

Глава 12. Формирование системы Восток – Запад и дальнейшее ускорение социальной эволюции (1-е тыс. до н.э. – 2-е тыс. н.э.)

Напомним, что наши представления о главных фазах глобализации и связанных с этим изменениях были изложены в главе 5. Компактно они суммированы отражены в приведенных в главе 5 таблицах. Приведем еще раз табл. 5.2., чтобы показать, что в первом тыс. до н.э. произошел переход от регионально-континентальных связей к континентальным и трансконтинентальным. Это означало полномасштабное формирование Афроевразийской мир-системы от океана до океана, ускорение обмена достижениями, формирование пояса все более крупных империй, а соответственно и ускорение социальной эволюции. В настоящей главе мы покажем некоторые моменты того, как Афроевразийская мир-система развивалась с середины 1-го тыс. до н.э. и как она дошла до своего апогея в 13–14 веках (см. также главу 5 и Zinkina *et al.* 2019). Стоит отметить еще раз, что именно во второй половине 1 тыс. до н.э., по сути, сформировался Запад как альтернатива Востоку (см. главу 5). И это, помимо усиления механизма диффузии инноваций и перенимания достижений, также усилило такой механизм социальной эволюции как конкуренция, которая выражалась не только в военных столкновениях и военных инновациях, но и культурной, идеологической и политической конкуренции, так что уже в первом тыс. до н.э. мы видим идеологические противопоставления Востока и Запада, в первом тыс. н.э. – противопоставление христианства как, прежде всего, Западной идеологии исламу, как собственно восточной идеологии; а во 2-м тыс. н.э. прямое столкновение Востока и Запада под идеологическими знаменами крестовых походов.

Далее, продолжая изучать таблицу 5.2, мы увидим, что с момента великих географических открытий (в каких-то регионах даже и раньше) начался переход к межконтинентальным (океаническим) связям¹, что круто изменило ход социальной эволюции и исторического процесса, трансформировало Афроевразийскую мир-систему в Мир-Систему, охватившую весь мир, ускорило процесс великой дивергенции (см. главу 14), но в то же время вызвало и некоторые синхронные изменения как в Европе, так и в Азии. В настоящей главе мы останавливаемся на формировании связей, сделавших Афроевразийскую мир-систему трансконтинентальной (с 200 г до н.э. по 1500 г. н.э.); важных (и во многом синхронных) событиях 16–17 вв., а также говорим о таком явлении как антиглобализация, которое было специфическим именно для восточных империй 17–18 вв. (см. также Zinkina *et al.* 2019).

¹ В частности, во второй половине 1-го тыс. до н.э. в бассейне Индийского океана от восточного побережья Африки до Индонезии и далее, до Юго-Восточной Азии и Китая, сложился прообраз Мир-Системы, связанной океанами (см. об этой широкой международной торговле, в которой играли важную роль персидские, арабские, индийские и другие купцы: Bentley 1996a). Об этом еще будет речь ниже.

Табл. 12.1. Корреляция между пространственными связями, политической организацией и технологическим уровнем

Тип социально-пространственных связей	Период	Формы политической организации общества	Уровень технологии (принцип производства, производственная революция)
1	2	3	4
Локальные связи	До VII–VI тыс. до н. э.	Догосударственные формы (простые и среднесложные общества)	Охотничье-собирательский принцип производства, начало аграрно-ремесленного принципа производства
Локально-региональные связи	С VII–VI тыс. до н. э. до второй половины IV тыс. до н. э.	Догосударственные среднесложные формы и первые сложные политии	Распространение аграрно-ремесленного принципа производства, начало городской революции
Регионально-континентальные связи	Вторая половина IV тыс. до н. э. – вторая половина I тыс. до н. э.	Ранние государства и первые империи	Завершающая фаза аграрной революции и зрелость аграрно-ремесленного принципа производства
Континентальные и транс-континентальные связи	Вторая половина I тыс. до н. э. – конец XV в. н. э.	Подъем империй и первые развитые государства	Завершение аграрно-ремесленного принципа производства
Межконтинентальные (океанические) связи	XVI – нач. XIX в. (≈1492–1821 гг.)	Подъем развитых государств, первые зрелые государства	Первый этап промышленного принципа производства и промышленной революции
Глобальные связи	Нач. XIX в. – 60–70 гг. XX в.	Зрелые государства и ранние формы наднациональных образований	Завершающая фаза промышленной революции и завершение промышленного принципа производства
Планетарные связи	Последняя треть XX–XXI в., достаточно отчетливо сформируются в ближайшие десятилетия, к середине XXI в.	Формирование наднациональных образований, эпоха ослабления суверенитета и борьбы вокруг суверенных прав, поиск нового типа политических союзов и образований, планетарных форм управления	Начало и развитие научно-кибернетической революции, завершающая фаза которой предположительно датируется 2030–2070-ми гг. ²

1. Трансконтинентальная Мир-Система: взаимодействие Запада и Востока (вторая пол. 1 тыс. до н.э. – 15 век н.э.)

1.1. Развитие связности Мир-Системы в период между 200 г. до н. э. и 1500 г. н. э.

Почти тысячелетний период с 150 по 1000 г. н. э. можно считать еще одним периодом типостаза Мир-Системы, когда продолжала распространяться в различных вариантах форма социально-политической организации – аграрные империи / цивилизации, возникшая в результате эволюционного «скачка» в Осевое время. Действительно, значительная часть афроевразийской мир-системы находилась в составе аграрных империй, располагавшихся в Средиземноморье (где на смену Риму пришла Византия), на Ближнем и Среднем Востоке (Сасанидская держава, затем Омейядский и Аббасидский халифат), в Индии и Китае (династии Хань, Тан, Сун) (см., например: Christian 2004: 299).

² О кибернетической революции см.: Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2015а.

Термин «потерянное тысячелетие» не является устоявшимся в исторической науке; однако мы находим его удобным для обозначения периода, в течение которого крайне медленно росла численность населения мира, а мировой ВВП практически не изменился (за почти 1000 лет!) (см. Раздел 4). С чем была связана столь длительная стагнация и как выглядело это тысячелетие с точки зрения мир-системной связности, развития сетевого афроевразийского пространства, взаимодействий между отдельными частями Мир-Системы?

По мнению ряда авторитетных мировых историков (в первую очередь, У. Макнейла, с которым соглашались К. Чейз-Данн, Д. Кристиан и др.), Мир-Система в этот период «пала жертвой» пика собственной связности, достигнутого к концу I тыс. до н. э. Интенсивный трафик по Великому шелковому пути в это время включал не только шелк и другие предметы роскоши, но и патогены. Крупнейшие цивилизации Евразии обменивались не только товарами, но и болезнетворными бактериями и вирусами, которые путешествовали по основным «артериям» Мир-Системы вместе с людьми, товарами, идеями и технологиями, вызывая массовые повторяющиеся эпидемии с колоссальным числом жертв, по мере того как жители различных регионов сталкивались с совершенно новыми для них болезнями (в первую очередь, чумой, а также скарлатиной, ветрянкой и др.), к которым не имели иммунитета (McNeill 1963: ch. 7, 1976: ch. 3).

В целом, рост населения Мир-Системы к концу I тыс. до н. э. до девятизначных чисел делал практически неизбежным появление нового поколения особо смертоносных патогенов, не способных воспроизводить себя в масштабах более мелких популяций (Diamond 1999: 202–205), а уровень развития технологий здравоохранения, достигнутый Мир-Системой к началу I тыс. н. э., оказался совершенно неадекватным радикально выросшему уровню патогенной угрозы, что привело к глобальным депопуляциям II и VI–VIII вв. в результате Антониновой и Юстиниановой пандемий и внесло мощнейший вклад в замедление общих темпов мир-системного демографического роста в I тыс. н. э. (Коротаяев, Малков, Халтурина 2007: 189–208; Зинькина и др. 2016; Zinkina *et al.* 2017).

Так, именно Антонинова чума (165–180 гг. н. э.) внесла значительный, если не решающий, вклад в падение империи Хань в Китае и Римской империи (уничтожив около четверти населения последней) (McNeill, McNeill 2003: 78), в результате чего торговые связи этих регионов с Мир-Системой на какое-то время практически прервались.

Здесь также необходимо учесть следующее обстоятельство. Произошедший в I тыс. до н. э. стремительный рост политической централизации инициировался также распространением металлургии железа, не только радикально повысившим потолок несущей способности Земли, но и приведшим к налаживанию производства относительно дешевого эффективного вооружения, что сделало возможным формирование многочисленных армий, без которых появление мировых империй вряд ли было бы возможным.

Тем не менее сам этот процесс имел важные побочные следствия. Политически централизованные системы часто достигают военного превосходства путем развития специализированных военных подсистем – относительно малых, но хорошо обученных и вооруженных профессиональных армий. Однако необходимым условием для сохранения такого превосходства обычно является наличие монополии на какие-либо эффективные виды вооружения (боевые колесницы, оружие из бронзы и т. п.). Если же происходит революция в производстве средств насилия, в результате которой монополия на них не может более эффективно поддерживаться (например, в случае появления железного оружия), менее политически централизованные общества с большей долей военно-активного населения получают значительное преимущество и могут стать сильнее в военном отношении политически централизованных обществ. Именно таким был ход исторического развития во многих частях ойкумены Старого Света в поздней древности.

Мы уже рассматривали этот аспект в главе 6, говоря о варварской периферии цивилизованной части мир-системы.

Напомним, что менее политически централизованные общества с большей долей военно-активного населения могли значительно повысить военную эффективность без заметного увеличения своей политической централизации или внутренней дифференциации, например, путем номадизации, роста специализации на скотоводстве, поскольку каждодневный труд скотовода и характер его социализации обеспечивают боеспособность воина (см., например: Айонс 2002). Кочевое скотоводство с широким использованием пастухов-всадников могло значительно увеличивать военный потенциал таких обществ и без дополнительной политической централизации и функциональной дифференциации. Для нас важно, что технологические сдвиги I тыс. до н. э. имели в качестве своего побочного следствия усиление военного потенциала варварской периферии в целом и социально-политических систем кочевников в частности.

В результате вплоть до Нового времени кочевники имели систематическое военное превосходство над оседлыми сообществами (дополнительно усиленное с изобретением стремян и сабли), что привело к дополнительному замедлению темпов демографического роста Мир-Системы не только в результате массовых депопуляций, к которым периодически приводили вторжения кочевников, но и некоторого понижения несущей способности Земли во многих важных зонах Мир-Системы в результате давления варварских (и в особенности кочевых) периферий (здесь достаточно вспомнить о российской «житнице» – Черноземье, известном большую часть II тыс. как Дикое поле именно из-за того, что все это время земли в этом регионе почти не возделывались из-за угрозы набегов) (Коротаев, Малков, Халтурина 2007: 189–208; Korotayev, Grinin 2019).

Развитие связности Мир-Системы в период между 200 г. до н. э. и 1500 г. н. э. было циклическим. Система была тесно связана в 200 г. до н. э. – 200 г. н. э. (как отмечалось выше; см. главу 7); затем в 600–900 гг. н. э. (когда заметная ее часть вновь оказалась под властью нескольких империй, таких как империя Тан, исламский халифат, империя Каролингов (см., например: Bentley 1993: 27)) и в 1200–1400 гг. н. э. (этот период будет подробнее рассмотрен в Главе 10). «В остальные периоды система распадалась на в основном автономные меньшие мир-системы, но после каждого такого распада разделившиеся регионы оказывались все более трансформированы своими взаимодействиями с большим целым» (Chase-Dunn, Hall 1997: 150).

В период типостаза были внедрены некоторые инновации, оказавшиеся ключевыми для последующего роста связности Мир-Системы и превращения ее в связный глобальный мир в «длинном XVI веке». Четыре из них – бумага, порох, компас и книгопечатание³ – получили название «четыре великих китайских изобретения». Важную роль сыграло и появление в Индии системы счисления с нулем, распространившейся затем через арабов по всему миру (подробнее см.: Shaffer 1994). Однако крупнейшей инновацией этого периода, изменившей контуры связности Мир-Системы, стало возникновение и распространение всех мировых религий перехода в целом.

1.2. Мир-Система XI–XIV вв. Предпосылки глобального мира

Из вышеизложенного следует, что по целому ряду важнейших показателей глобальной динамики (численность населения, мировой ВВП, индекс технологического развития, урбанизация) длительная стагнация «потерянного» I тыс. н. э. сменилась оживлением уже в начале II тыс., и дальнейший рост этих показателей ускорился. Особенно яркие периоды роста приходятся на раннее Новое время. Однако есть все основания предполагать, что достаточно выраженный рост (особенно по сравнению с предыдущим периодом) наблю-

³ Книгопечатание было изобретено дважды: сначала в Китае, а несколько столетий спустя – в средневековой Европе.

дался в афроевразийской мир-системе в XI в. (а в ряде ее регионов продолжился вплоть до эпидемии чумы 1348 г.). Подробно описать его и, тем более, дать точные количественные характеристики крайне сложно в силу нехватки данных. Тем не менее можно восстановить картину в отдельных крупных странах и регионах.

Так, в Китае именно на XI в. приходится период «сунского экономического чуда» («расцвета», в терминологии Дж. Голдстоуна) – первого (известного) в экономической истории мира случая относительной интенсификации экономического роста (проявления элементов современного экономического роста). Некоторые историки даже утверждают, что эпоха Сун стала «апогеем экономического развития средневекового Китая» (Рябинин, Уваров 2012а: 330). Всего за одно столетие, с 1000 по 1100 г., население Китая выросло более чем в 1,5 раза – с 66 до 105 млн (для сравнения, за следующий XII в. оно выросло лишь на 10 млн, а к концу XIII в. снизилось до 86 млн – наступила фаза коллапса очередного династического цикла, осложненная монгольским завоеванием, см. Главу 9) (McEvedy, Jones 1978: 167). Соответственно, если в 1000 г. в Китае жила примерно четверть мирового населения того времени, то к 1100 г. – уже более трети. Подушевой ВВП, по оценкам В. А. Мельянцева, увеличился в 1,6–2 раза за примерно 300-летний период с 750–800 гг. по 1050–1100 гг., или ежегодно в среднем на 0,15–0,25 %, что соответствует темпам подушевого экономического роста наиболее динамичных стран Западной Европы – Голландии и Англии – заметно позже, в XVI–XVIII вв. При этом 65–75 % прироста ВВП были обеспечены ростом количественных затрат трудовых, капитальных и природных ресурсов, а 25–35 % – ростом совокупной производительности (Мельянец 1996: 57). Рост населения в 1,5 раза, сопровождавшийся сопоставимым увеличением подушевого ВВП, означал, что абсолютный ВВП Китая в этот период вырос в 2–2,5 раза (соответственно, его доля в мировом ВВП могла возрасти с более 20 % в 1000 г. (Maddison 2010) до 40 % в 1100 г.).

Основными аграрными инновациями этого времени стали скороспелый рис и передовая технология рисосеяния, попавшие в Фуцзянь из Южного Вьетнама и распространившиеся по всему рисоводческому Южному Китаю; они позволяли получать два, а иногда и три урожая в год, тем самым радикально повысив производительность сельского хозяйства (Но 1956; Рябинин, Уваров 2012а: 330). Активно развивалась протопромышленность: добыча и обработка соли, производство квасцов, ртути и киновари, изготовление бумаги и печать, кораблестроение (Hartwell 1966). Колоссальные успехи были достигнуты в металлургии: за 200 лет (с 850 по 1050 г.) производство железа в Китае выросло в 12 раз, меди – в 30 раз; к 1078 г. ежегодно производилось 75–150 тыс. т железа; для сравнения, во всей Европе (включая европейскую часть России) в начале XVIII в. производилось 140–180 тыс. т (Hartwell 1962: 155; Рябинин, Уваров 2012а: 331). Уже на рубеже X–XI вв. в Китае было выпущено в десять раз больше монет, чем в VIII–IX вв., и в середине XI в. больше половины всех налогов в казну вносились деньгами (Рябинин, Уваров 2012а: 330). Связность внутривосточных рынков обеспечивалась развитой сетью дорог и каналов (особое значение имел Великий канал, связывавший аграрный рисоводческий юг с промышленными регионами севера страны). Известный специалист по истории Китая М. Элвин утверждает даже, что символами китайского прогресса в этот период следует считать дамбу, шлюз и педальный водяной насос (Elvin 1973: 113, 131–146).

Однако если развитие Китая в этот период подчинялось закономерностям социально-демографических циклов и «сунское экономическое чудо» все же не привело страну к выходу из мальтузианской ловушки (хотя заметно повысило несущую способность территории и, соответственно, уровень, ниже которого численность населения уже не опускалась в дальнейшем, до 60–80 млн человек⁴), страна не миновала очередной фазы сжа-

⁴ До сунской «зелёной революции» численность в 60 млн человек, наоборот, соответствовала потолку несущей способности земли, при приближении к которому происходили социально-демографические коллапсы.

тия и коллапса (хотя в падении Сун решающую роль все же сыграли внешние факторы – чжурчжэньское, а затем монгольское завоевания).

Иначе дело обстояло в других частях афроевразийской мир-системы, в частности в Европе и Индии, где XI в. также явился периодом роста, но он был связан не с фазой накопления социально-демографического цикла, а еще только с *первоначальной колонизацией*. Как указывает С. А. Нефедов, для этого явления «характерны относительно высокий уровень потребления основной массы населения, рост населения, рост посевных площадей, строительство новых поселений, низкие цены на хлеб, дороговизна рабочей силы...» (Нефедов 2003: 7).

И в Европе, и в Индии наиболее характерным проявлением колонизации была расчистка обширных территорий от лесов; в Европе с ее тяжелыми почвами ключевыми символами прогресса стали также улучшенный плуг и лошадиный хомут, позволившие использовать для пахоты не волов, а более быстрых и производительных лошадей (Нефедов 2001б; Elvin 1973: 113; Блок 1957: Гл. 1). Рост населения в Европе, обусловленный первоначальной колонизацией, не ограничился лишь XI в., но продолжался еще более двух столетий и был прерван только эпидемией «черной смерти», достигнувшей Европы в 1348 г. За три столетия, прошедшие с начала II тыс., население Европы (с учетом европейской части России) выросло с 36 млн в 1000 г. до 79 млн в 1300 г. (McEvedy, Jones 1978: 18). Число же достаточно крупных городов (с населением более 40 тыс. жителей) в Европе (за пределами Византийской империи и исламских государств Пиренеев) между 900 и 1300 гг. увеличилось в восемь с половиной раз (Chandler 1987: 468–474)!

Восстановить точную картину демографических процессов, происходивших в то время в Индии, значительно сложнее из-за отсутствия данных. Согласно оценкам К. Макэведи и Р. Джоунса, население Индии (включая Пакистан и Бангладеш) в 1000 г. составляло примерно 77 млн чел. (McEvedy, Jones 1978: 185). Косвенные признаки (в частности, динамика заработной платы и цен на зерно) указывают на то, что в последующие 300–340 лет население значительно выросло, а затем существенно пострадало от «великой чумы» (по свидетельству современников, заработки ремесленников в конце XIV в. в 12–15 раз превосходили уровень начала столетия; резкое падение цен и рост реальной заработной платы были свидетельством гибели большей части населения в результате демографической катастрофы, связанной с эпидемией «черной смерти» середины XIV в.; то же самое явление, отмечалось в это время и в других зонах афроевразийской мир-системы) (Нефедов 2001б; Nabib 1982: 89).

Однако разрушительный удар по связности афроевразийской мир-системы нанесли монгольские завоевания XIII в., разрушившие многие города Центральной Азии, прежде в значительной степени выполнявшие роль связующих звеньев всей системы, а также многие другие города и регионы в Китае, на Ближнем Востоке, в Восточной Европе. С другой стороны, политическое объединение большей части афроевразийской мир-системы в скором времени привело к значительному усилению ее связности: караваны фактически могли почти целиком пересекать пространство от Атлантического до Тихого океана в пределах одной политики. Подобное усиление связности позволяет назвать период второй половины XIII – первой половины XIV вв. апофеозом доколумбовой Мир-Системы. Этот период будет рассмотрен далее.

1.3. Мир-Система второй половины XIII – первой половины XIV вв.

Как было показано в Главе 7, афроевразийская мир-система (= Мир-Система) достигла своего первого пика связности во II в. до н.э. – I в. н. э. с появлением Великого шелкового пути, затем почти распалась под ударами Антониновой чумы, политико-демографических коллапсов в мир-системных центрах и варварских вторжений, и в течение последующего тысячелетнего периода ее развитие было циклическим; периоды

относительно тесной связности сменялись периодами распада на почти автономные части, слабо взаимодействовавшие друг с другом.

Чрезвычайно важный этап в истории глобальной связности приходится на XIII в.: именно в это время афроевразийская мир-система после долгого периода разобщенности достигла почти полной интеграции; все ее части взаимодействовали друг с другом. Этот период оказался недолгим; система вновь распалась к началу XV в., однако именно в XIII в. были заложены основы для развития Западной Европы из периферийного региона в полупериферийный, затем центральный, а также превращения афроевразийской мир-системы в подлинно глобальную Мир-Систему в «длинном XVI веке» (см. Chase-Dunn, Hall 1997: 149, Abu-Lughod 1989).

Здесь важно отметить, что, когда мы говорим о почти полной интеграции Мир-Системы (будь то афроевразийский макрорегион XIII в. или современный глобальный мир), это не означает, что все ее части взаимодействуют друг с другом наравне. Даже в современном глобальном мире сохраняется деление на регионы, подсистемы и «блоки»: к примеру, североатлантический (НАТО), тихоокеанский, постсоциалистический, ближневосточно-североафриканский и др. Абу-Луход Дж., автор классического труда «До европейской гегемонии. Мир-Система в 1250–1350 гг. н. э.» (*Before European Hegemony. The World System A. D. 1250–1350*), показывает, что деление на подсистемы было характерно и для Мир-Системы в XIII в., причем, в отличие от современного мира, они были более самодостаточны и менее взаимозависимы, поскольку, хотя и были вовлечены в активную торговлю друг с другом, системы глобального разделения труда еще не существовало.

В связи с этим Абу-Луход отмечает важную особенность иерархической структуры Мир-Системы XIII в., к которой мы вернемся позднее при анализе структур современных глобальных сетей: каждая из таких подсистем может иметь свой собственный центр, содержащий государство-гегемон, чья экономика задает условия торговли для его сателлитов. Однако над этими региональными подсистемами простирается глобальная «надстройка» Мир-Системы, которая функционирует через «глобальные города», взаимодействующие друг с другом (Abu-Lughod 1989: 32).

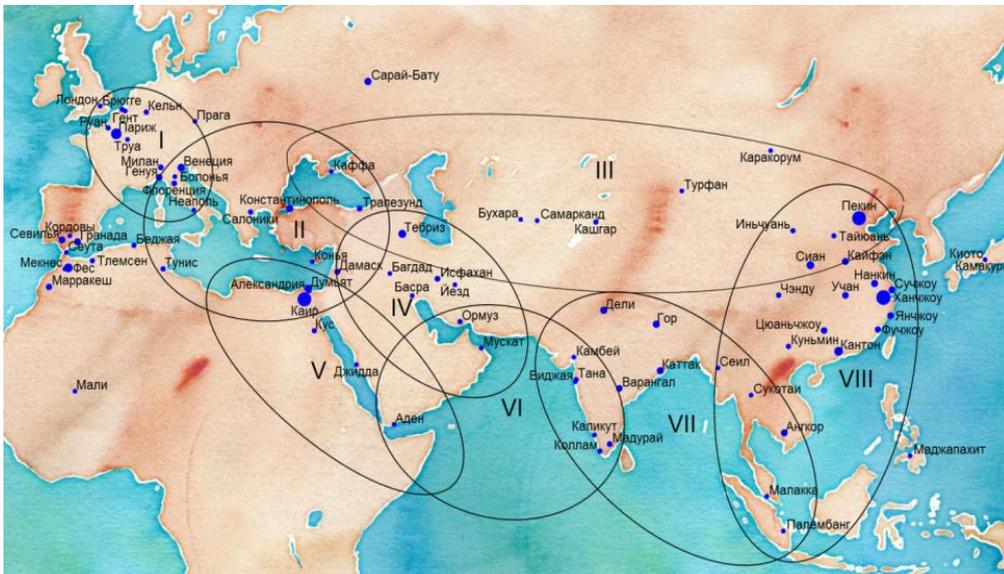

Рис. 12.1. Афроевразийская мир-система XIII в.

Источники: Abu-Lughod 1989: 34–36; Chandler 1987: 474.

Структура афроевразийской мир-системы XIII в.

В афроевразийской мир-системе Абу-Луход выделяет восемь подсистем (см. рис. 10.1), объединенные в три «окружности» (пере-числены в порядке географического расположения с запада на восток) (Abu-Lughod 1989: 33–36).

Две европейские подсистемы (подробнее см.: Юсим 2012: 507–549):

1. Западноевропейская подсистема, центром которой был треугольник: восточная-центральная Франция, Фландрия (Брюгге, Гент) и порты Италии (Генуя, Венеция). Для сравнения, И. Валлерстайн считает центром Европы «пояс», охватывавший Северную Италию, Южную Германию, Нидерланды и примыкавшую к ним часть Франции (по сути, бассейн Рейна). В середине XIII в. Европа представляла собой часть периферии; межрегиональная торговля вносила небольшой вклад в ее экономики, которые оставались в подавляющем большинстве аграрными и ориентированными на натуральное хозяйство. Чрезвычайно важными для Европы оказались крестовые походы: хотя цель их не была достигнута и практически всех своих завоеваний крестоносцы в итоге лишились, но эти походы реинтегрировали Западную Европу в афроевразийскую мир-систему, от которой она отпала после падения Римской империи и из которой была де-факто почти полностью выключена в раннее Средневековье.

2. Средиземноморская подсистема, связывавшая итальянские порты (прежде всего, Венецию и Геную) с Западной Азией. Из Европы на Восток через итальянцев шел фламандский текстиль, с Востока в Европу – пряности, шелк и другие товары. В отличие от Северо-Западной Европы, после падения Рима итальянские порты не утратили своих связей с Мир-Системой и теперь заняли стратегически важное положение посредников во всей европейской торговле с Востоком⁵.

Три подсистемы на Ближнем и Среднем Востоке:

3. Центральноеазиатская подсистема, чрезвычайно протяженная, сыгравшая ключевую роль в интеграции всей Мир-Системы XIII в. благодаря своему объединению в рамках Монгольской империи; был фактически возрожден Великий шелковый путь.

4. Ближневосточная подсистема с важнейшим центром в Багдаде, выходившая к центральноазиатским караванным путям на северо-востоке, а на юге – к Индийскому океану (через Персидский залив). В VIII–X вв. Багдад был «городом мира», путь из него на Дальний Восток тщательно описан мусульманскими географами. Если в IX–X вв. Багдад ввозил из Индии и Китая только предметы роскоши, то в XIII в. этот список существенно расширился: закупались пряности, текстиль, хлопок-сырец, шелк-сырец и другие товары, многие – для реэкспорта в Европу. Однако Багдад был разрушен в 1258 г. монголами и утратил торговые связи с Египтом, Сирией, Индией, сохранив роль лишь в местной, но не межрегиональной торговле.

5. Североафриканская подсистема с центром в Каире, связывавшая Египет с Индийским океаном через Красное море. Египетские купцы-карими располагали поддержкой Айюбидов, получавших с них заметный доход в виде налогов; они активно торговали с Аденом, Гуджаратом, Малабарским побережьем Индии. Египет выращивал большое количество хлопка, льна, сахарного тростника, которые перерабатывались в его основную экспортную продукцию – ткани и сладости. Более того, после изгнания крестоносцев Египет имел практически монопольный контроль над «южным» торговым путем (см. ниже), и во второй половине XIV в., после закрытия других путей, европейцы могли торговать с Азией лишь через посредничество Египта.

⁵ Однако вплоть до второй половины XIII в. они не чеканили свою золотую монету, пользуясь константинопольскими и египетскими, что подчеркивает их полупериферийный статус в мировой торговле.

Три азиатские подсистемы:

6. Индийская подсистема, точнее индоокеанская, соединявшая арабский мир (подсистемы IV и V) с западным (Малабарским) побережьем Индии. Индия была важнейшим торговым пунктом для арабских торговцев, которые играли все большую роль в индийской торговле, в то время как индийские купцы постепенно отходили на второй план. Перечень собственного индийского импорта был не слишком велик и включал лошадей, пряности из ЮВА, западное стекло и китайский фарфор, некоторые виды металлов и оружия, ближневосточные благовония. Экспортировала Индия значительно больше: хлопковые и шелковые ткани, краски, специи, наркотики и др. Оживленной торговле на этом побережье, особенно в Гуджарате, способствовало возникновение сильных государств на севере Индии; в 1303–1304 гг. Гуджарат вошел в Делийский султанат и стал главной точкой импорта предметов роскоши для его властителей.

7. Индонезийская подсистема с центром в Малаккском проливе, через который восточное (Коромандельское) побережье Индии было связано с Индонезией и Китаем. Индийские торговцы-тамилы с Коромандельского побережья активно плавали на восток уже в X–XII вв.; в Китай поставлялись жемчуг, кораллы, хлопковая продукция; на Запад шли пряности и благовония, красители, медицинские травы, шелк и особенно хлопчатобумажные ткани. Малаккский пролив, Суматра, Малайский полуостров играли важную роль перевалочных пунктов, поскольку редкие торговцы проделывали весь путь от Персидского залива до Китая полностью (приходилось долго стоять в портах, ожидая попутного ветра, там, где встречались муссоны противоположных направлений). В определенные периоды Малаккский пролив был монополистом в доступе к китайским портам (особенно когда Китай запрещал прямой доступ в свои порты; в этом случае вся торговля шла через порты пролива). Однако самостоятельных морских держав в Малаккском проливе не возникло; хотя на островах имелось много различных ресурсов, их вовлеченность в торговую сеть связей и Мир-Систему в целом определялась не столько этими ресурсами, сколько стратегическим положением на пути между арабами, индийцами и Китаем.

8. Китайская подсистема: в начале правления династии Мин (1368–1644), казалось, имелись все условия для превращения Китая в гегемона Мир-Системы. Действительно, в период династии Сун (X–XIII вв.) в Китае выросла производительность сельского хозяйства, улучшились многие промышленные технологии, усложнились коммерческие и финансовые системы. Центр экономического и демографического притяжения в Китае сместился в южные районы, где жило 85–90 % населения. В начале XV в., когда правители Мин справились с монголами, а ущерб, нанесенный эпидемиями чумы, относительно сгладился, Китай предпринял активные попытки расширить свое влияние. Поскольку ключевой наземный путь находился под контролем монголов, китайцы возобновили морскую экспансию, инвестируя гигантские средства в кораблестроение. У династии Мин имелся колоссальный флот – около 3500 океанических кораблей. Часть его, под командованием адмирала Чжэн Хэ, совершила серию плаваний с дипломатическими миссиями, посетив в 1405–1430 гг. почти каждый крупный порт Явы, Индии, Суматры, Борнео, Восточной Африки, Аравийского моря и Персидского залива (подробнее см.: Рябинин, Уваров 2012б: 654–658). Однако в 1435 г. Мины отозвали флот, ограничили морскую торговлю и прекратили отношения с зарубежными державами. Этот факт имел ключевое значение для дальнейшего развития Мир-Системы.

Основных путей, «артерий», шедших из Европы на Восток и обеспечивавших связность всех частей Мир-Системы, насчитывалось три: 1) северный путь – из Константинополя через Центральную Азию (фактически Великий шелковый путь, возродившийся, когда значительная часть территорий, по которым он проходил, оказалась под властью Монгольской империи); 2) центральный путь – из Средиземноморья через Багдад, Басру

и Персидский залив в Индийский океан; 3) наконец, самый южный путь, связывавший комплекс Александрия – Каир – Красное море с портами Аравийского моря и затем с остальными портами Индийского океана.

Отдельного упоминания заслуживает сеть путей и связей Индийского океана. Морской путь из Персидского залива в Кантон был самым длинным торговым путем из всех, регулярно используемых человечеством (вплоть до европейской трансатлантической экспансии в «длинном XVI веке»). В VII–IX вв. он связывал Омейядский, а затем Аббасидский халифат с Китаем⁶.

В целом, по утверждению Дж. Абу-Луход, Индийский океан как торговая зона делился на три подсистемы:

1. Западная – мусульманская, с центрами в Багдаде и Каире и портами на Аравийском полуострове, откуда купцы плыли дальше вдоль северо-западного побережья Индии с остановкой в Гуджарате и далее на юг к Малабарскому побережью.

2. Средняя – южное индийское побережье (Малабарское на западе и Коромандельское на востоке), а также регион Суматры, Малаккский пролив, Ява и другие индонезийские острова. Это была в основном индуистская зона, хотя имелось влияние и буддизма, и ислама.

3. Восточная – китайская (конфуцианская и буддийская), включавшая море у восточного побережья Индокитая, северный берег Явы и великие порты Южного Китая.

Границы между тремя подсистемами определяли не только и не столько культурные различия, сколько направления ветров, обуславливавшие различные муссонные зоны. В этих трех подсистемах принимали активное участие разнообразные группы: персы и арабы, выступавшие как самостоятельно, так и в качестве посредников европейцев; индийцы на западном побережье (Малабар, Гуджарат), где распространенность ислама сближала их с Ближним Востоком; индийцы на восточном побережье, откуда благодаря индуистской и буддийской культуре тянулись прочные связи в Бенгальский залив; пестрые купеческие колонии Малайского полуострова, Суматры и Явы; «плавильный котел» Малаккского пролива (в современном мире похожую связующую роль в этом регионе играет Сингапур); наконец, китайцы и монголы, доминировавшие в самой восточной окружности между Явой и Китаем. В связи с этим Абу-Луход отмечает, что «естественные условия Индийского океана предполагали сосуществование нескольких локальных гегемонов; никакая единственная сила никогда не доминировала над всей системой» (Abu-Lughod 1989: 253).

«Хабом», то есть коммуникационным центром системы, описанной Абу-Луходом, традиционно оставался исламский мир. «В столетия до 1000 г. н. э. важность Месопотамии и Персии как региона-хаба была очевидна в ключевой роли Сасанидской и исламских империй в афроевразийских сетях обмена. В первое тысячелетие своей истории исламские цивилизации, контролировавшие эту зону, поощряли обмен идеями, товарами и технологиями между многими различными частями афроевразийских сетей, стимулируя таким образом рост населения и увеличивая синергию коммерческих и информационных сетей... И поскольку информационный, культурный и технологический пул собирался именно в исламском мире, он стал центром евразийской науки и торговли. Именно здесь, а не в Европе величайшие достижения средиземноморской философии и науки были сохранены для будущего. В 1000 г. н. э. едва ли можно было сомневаться, что хаб афроевразийской ойкумены находился в исламском мире» (Christian 2004: 370).

Однако, хотя коммуникационный центр афроевразийских сетей обмена находился в исламском мире, их «центр гравитации», основная масса происходивших обменов, лежал в Индии и Китае. «Обмены, проходившие через Восточное Средиземноморье, возможно,

⁶ Из китайских источников мы впервые узнаем о присутствии арабских и персидских торговцев в китайских портах в середине VIII в.

были более разнообразными и охватывали более обширные территории, но наибольший объем обменов находился в Восточной Азии. Европейские торговцы тянулись в Азию, особенно в Китай, поскольку именно там находились крупнейшие рынки, поддерживаемые самыми большими по численности населениями и самыми динамичными экономиками мира. ... Азиатские экономики не только были крупнейшими в мире, но и имели самый высокий уровень коммерциализации на всех уровнях общества, а также самые высокие уровни производительности, как на селе, так и в городах» (Christian 2004: 370).

Почему же столь развитая, плотная сеть торговых и культурных контактов, взаимосвязей, взаимовыгод и интересов распалась? В чем причина дезинтеграции афроевразийской мир-системы XIII–XIV вв.?

Факторы распада мир-системы XIII–XIV вв.

Начиная с середины XIV в., совокупное действие сразу нескольких масштабных деструктивных факторов привело к тому, что вместо дальнейшего непрерывного роста связности системы в целом (который превратил бы ее в подлинно внутренне взаимозависимую Мир-Систему) она распалась на отдельные регионы. Ее сетевое пространство при этом упростилось до нескольких узких проходов, над которыми все более возрастал контроль небольшого числа игроков. Абу-Луход выделяет ряд факторов.

Общесистемный фактор – крупнейшая пандемия чумы («черная смерть»), охватившая вначале Китай, а затем стремительно распространившаяся с торговыми караванами в другие части Монгольской империи, Индию, Северную Африку и Европу. Общее число жертв пандемии насчитывало, по разным оценкам, от 75 до 200 млн чел. (для восстановления численности населения Европы, к примеру, потребовалось около 150 лет). Поскольку пандемия распространялась по торговым путям, чрезвычайно сильно от нее пострадали города, наиболее вовлеченные в мир-системные торговые сети (см., например: Бергер 2012: 634–641).

Разрушение двух из трех основных путей:

1. В 1258 г. монголы разрушили Багдад и установили столицу в Тебризе, дальше на северо-восток. Это снизило привлекательность старого караванного маршрута от королевства крестоносцев в Багдад, далее в Басру и затем в Персидский залив и Индийский океан. К концу XIII в. потеря крестоносцами Палестины еще более подорвала значимость этого пути; европейская торговля сместилась либо на северный путь, в Центральную Азию, либо на южный путь, через Египет в Красное море, затем в Аден и Индийский океан.

2. Северный путь через Центральную Азию все больше приходил в упадок по мере того как Монгольская империя, единая в XIII в. и потому столь благоприятная для транзитной торговли, ослабевала от чумы и внутренних смут. Когда империя распалась на части, главы которых враждовали между собой, Великий шелковый путь фактически прекратил свое существование.

Таким образом, к концу XIV в. из трех основных торговых путей, связывавших афроевразийскую мир-систему, функционировал лишь один, пролежавший через Египет и Красное море. Однако допуск европейцев к этому пути жестко ограничивал мамлюкский Каир, очень сильный в военном плане в XIII – начале XV вв. Египтяне строго запрещали европейцам проходить их территорию с европейскими товарами в Индию и Китай и с востока в Европу, так что европейцам приходилось торговать с купцами-карими, которые монополизировали торговлю пряностями. Это мотивировало европейцев искать иные пути в Индию, что, как известно, и дало импульс эпохе Великих географических открытий, кардинально изменившей конфигурацию Мир-Системы.

«Уход» важнейших игроков из индоокеанской торговой сети.

Индия. Распад Делийского султаната (решающий удар был нанесен Тамерланом, захватившим Дели в 1398 г.) ослабил индийскую торговлю и способствовал образованию «вакуума» в индоокеанском торговом пространстве: богатейшие запасы золота и серебра, образовавшиеся в результате положительного торгового баланса, были увезены в Самарканд и не пополнялись уже до Моголов.

Китай. Из-за экономических неурядиц Китаю становилось все сложнее содержать огромный флот; значительная часть кораблей пришла в негодность, средства на экспедиции перестали выделяться со смертью адмирала Чжэн Хэ. Приоритетами внутренней политики Китая стали восстановление аграрной базы, развитие внутреннего производства и внутренних рынков. Столица была вновь перенесена в Пекин (1421), в глубь страны. Самоустранение Китая из индоокеанской торговой сети имело колоссальные последствия для структуры Мир-Системы:

«Когда в 1421 г. Мины сменили столицу, покинув Нанкин, открытый благодаря Си-ней реке для морского судоходства, чтобы обосноваться в Пекине, лицом к опасностям маньчжурской и монгольской границ, громадный Китай, массивная мир-экономика, опрокинулся бесповоротно; он отвернулся от определенной формы экономики и деятельности, связанной с удобствами сообщения по морю. Глухая, замкнувшаяся в себе столица укоренилась в самом сердце суши, притягивая все к себе. Сознательный или бессознательный, то был, безусловно, решающий выбор. Именно в этот момент Китай проиграл в борьбе за господство над миром ту партию, которую он, не слишком это сознавая, открыл морскими экспедициями начала XV в., отправлявшимися из Нанкина» (Бродель 1992: 24).

Индонезия. Малаккский пролив. Как отмечалось выше, этот регион Мир-Системы не был самостоятельной силой, но в значительной степени был привязан к Китаю, занимая стратегическое положение по обеспечению доступа в китайские порты. После «ухода» Китая торговый поток, проходивший через пролив, значительно снизился.

Таким образом, подъем Европы в афроевразийской мир-системе происходил на фоне временной дезорганизации Востока. «Вакуум», образовавшийся в индоокеанской торговой сети в результате временного отстранения или ослабления ее важнейших игроков, был вскоре заполнен португальцами, которые к концу 1510-х гг. победили египетский флот, охранявший вход в Красное море и Персидский залив, установили опорные пункты на западном побережье Индии, имели «ключи» к Малакке, через которую должны были проходить все корабли, идущие в Китай. Эти события являлись элементом нового фазового перехода, в результате которого образовалась современная Мир-Система, охватывающая весь глобальный мир.

2. Рождение глобального мира

Начиная со второй половины XV в., в результате целого ряда экспедиций (самая известная из них – мореплавание Х. Колумба) между тремя мир-системами (Афроевразийской, Американской и Австрало-тихоокеанской) устанавливаются и упрочиваются связи, в результате которых они сливаются в одну, общемировую. При этом к мировой сети в результате Великих географических открытий (подробнее см., например: Магидович И. П., Магидович В. И. 1983) присоединяются и те части мира, что существовали ранее в практически полной изоляции, вне сетей. Процесс географического «сплетения» глобальной сети, охватывающей собой весь мир, завершится в общих чертах лишь к концу XVIII в. с экспедициями капитана Джеймса Кука, однако большая часть экспансии афроевразийской сети и превращения ее в глобальную пришла именно на «длинный XVI век». Именно с этого времени мы говорим о переходе от океанических связей к глобальным.

По меткому замечанию Д. Кристиана, «соединение различных мировых зон эпохи голоцена обозначило революционный момент в истории человечества» (Christian 2004: 364). Дело было не только в вовлечении новых территорий в существовавшие ранее сети обменов и взаимодействий: связность мира, теперь уже глобального, перешла на качественно новый уровень; появились новые виды сетей взаимодействий, а существовавшие прежде пережили масштабный скачок интенсификации, «запустивший» целый ряд глобальных процессов и создавший предпосылки для других глобальных явлений в будущем.

Последствия интеграции. Глобализация (глобальная диффузия) продовольствия

Особо важную для человечества роль в таких обменах сыграла «глобализация продовольствия»: в ходе интенсивных контактов Старого и Нового Света через глобальное пространство связей распространялись разнообразные сельскохозяйственные культуры (а также виды домашнего скота и птицы). Причем если обмен инфекциями носил выражено асимметричный характер (афроевразийские инфекции имели особенно негативные последствия в Америке), то интенсивная глобальная диффузия продовольствия имела колоссальный эффект для всех регионов глобального мира.

Аграрные культуры афроевразийской сети: европейские зерновые (пшеница, ячмень), бананы, цитрусовые, сахарный тростник, рис, хлопок и др., – попадая в Америку вместе с европейскими поселенцами и африканскими рабами, радикально видоизменили не только ее рацион, но, на определенном этапе, весь хозяйственный уклад (обусловив появление рабовладельческого плантационного хозяйства). Многие из этих культур по сей день вносят большой вклад в экономику американских стран: Бразилия, например, остается крупнейшим экспортером сахара, на США и Канаду приходится более 25 % всего мирового экспорта пшеницы и др.

Однако еще большее значение имела диффузия американских продовольственных культур по афроевразийской сети; некоторые из них полностью перевернули структуру питания и «историю повседневности», изменив демографическую и экономическую ситуацию в целых макрорегионах Старого Света.

Перечень американских культур, распространившихся по афро-евразийской сети, весьма обширен: это, в первую очередь, картофель и кукуруза, но также и некоторые виды бобов, арахис, сладкий картофель, маниока, кабачки, тыква, папайя, гуава, авокадо, ананасы, помидоры, сладкий стручковый перец, перец чили и какао. Что касается домашнего скота и птицы, более всего известна индейка.

Рассказать какую-либо единую историю диффузии этих культур по афроевразийскому пространству крайне сложно. Они могли попасть сюда несколькими основными путями: в Европу – через Испанию, куда их привозили корабли, возвращавшиеся из Нового Света; в Африку – через взаимодействия в ходе работорговли; в Азию – через португальцев, установивших к тому времени контроль над «индоокеанской сетью», а также через Манилу, куда из Акапулько шли испанские галеоны, груженные американским серебром. Однако география «блужданий» каждого отдельного вида злаков, овощей, фруктов и др., нередко отраженная в различиях его названий на европейских языках, зачастую бывала столь извилиста, что описание их потребовало бы отдельной книги⁷.

⁷ В частности, весьма примечателен пример индейки. Португальцы привезли эту птицу из Бразилии в Гоа как часть своих запасов продовольствия во время морского похода, своего рода «живые консервы». Птица прижилась и распространилась в Индии уже в начале XVII в. Однако жившие в Индии англичане назвали ее «гвинейской птицей» (*guinea fowl*), поскольку сочли, что она похожа на одну из птиц, встречающихся в Африке, в том числе в Гвинее. Затем из Индии она попала в Османскую империю (включая Египет), получив в мусульманском мире название *hindi* – «индийская птица». Это наименование используется и сейчас во многих странах Ближнего Востока, а также России, Грузии и Азербайджане. Из Османской империи (Турции) птица попала в Англию, где получила название *turkey*. Кругосветное путешествие птицы завершилось в 1620 г.

Чрезвычайно важно, что в тех или иных регионах некоторые из «пришлых» культур оказались значительно более производительными (в пересчете на количество калорий, получаемое с единицы земли), чем известные ранее аналоги.

Так, до «колумбова обмена» на территории от Северного моря до Урала, с их холодной зимой и дождливым летом, хорошие урожаи могла давать только рожь. Однако, как оказалось, картофель в этих условиях давал в 4 раза больше калорий с единицы земли и созревал в 2–3 раза быстрее, чем рожь; его было легче хранить. Другую «историю успеха» подарил кукуруза: она могла расти везде, где росла пшеница (а также в районах, слишком влажных для пшеницы), требовала значительно меньше трудозатрат, давая при этом вдвое больше калорий с единицы земли, и была устойчива к болезням. На одно посаженное зерно кукуруза давала 25–100 зерен урожая, а пшеница – лишь 5. В этом климате также хорошо прижились тыква и кабачки (Kiple 2007: 135–136).

Самыми важными американскими культурами для Африки оказались хорошо прижившиеся в ней кукуруза и маниока (кассава), ставшие «страховкой» на случай неурожая (из-за засухи) традиционных культур, таких как просо и сорго, (Parker 2013: 619). Более того, маниока была ценна в «нестабильные времена»: ее клубни росли в земле и не привлекали внимания шаек грабителей и бандитов, как урожаи других культур (Parker 2013: 619). Распространились также сладкий картофель, кабачки, арахис, гуава, перец чили. В это же время через португальцев в Африку попадают некоторые фрукты Старого Света, например апельсины и лимоны. Ключевую роль в истории Западной Африки сыграло распространение сахарного тростника (и некоторых других культур, таких как хлопок) в ходе «колумбова обмена» из Старого Света в Америку: для обрабатывания плантаций требовалась значительная рабочая сила, устойчивая к эпидемиям, что в течение нескольких столетий порождало интенсивную трансатлантическую работорговлю (Kiple 2007: 145).

Особо значимым эффектом «колумбова обмена» оказался для Азии, в частности для Китая, где американские культуры распространились намного быстрее, чем в других частях афроазиатской сети (возможно, благодаря интенсивному характеру китайского земледелия), и ознаменовали начало «второй китайской аграрной революции» (Kiple 2007: 146). Португальцы привезли кукурузу и сладкий картофель в китайские провинции Фуцзянь и Гуандун самое позднее к середине XVI в., арахис – еще раньше. Дальнейшая интенсивная диффузия этих и других культур: картофеля, кешью, томата, перца чили, кабачков, авокадо, ананаса, папайи, гуавы и др. – была связана с Манилой, ставшей с 1571 г. одним из крупнейших торговых хабов глобальной сети (см. далее). Здесь европейцы получали азиатские золото, шелк и другие ценные товары в обмен на серебро американских колоний, а приходившие в Манилу из Акапулько многочисленные испанские галеоны с серебром привозили и семена различных культур.

К началу XVII в. китайские крестьяне массово выращивали кукурузу, арахис, обычный и (в особенности) сладкий картофель. Эти культуры действительно произвели революцию в структуре питания китайского населения и сельском хозяйстве Китая, оказав огромное влияние на демографическую ситуацию и хозяйственный уклад. Кукуруза стала основой рациона китайских бедняков, поскольку могла расти в местах, не подходящих для более «капризных» пшеницы и риса. Это позволило части населения переместиться из перенаселенной дельты Янцзы и долины реки Ханьшуй (притока Янцзы), чтобы выращивать кукурузу и картофель на внутренних территориях. Арахис сохранял плодородие почвы, и введение севооборота «рис – арахис» позволило использовать песчаные почвы нижнего течения Янцзы и Хуанхэ, а также по берегам других рек (Kiple 2007: 146–148). Наконец, огромной популярностью пользовался сладкий картофель, который

когда она вновь попала в Америку (теперь уже Северную) на корабле «Мэйфлауэр» вместе с первыми поселенцами.

А. Кросби назвал «промежуточной культурой»: он был незаменим, когда предыдущий урожай риса уже был съеден, а новый еще предстояло собрать (Crosby 1972: 196–197). К началу XX в. бедное население на юге Китая, где климат позволял собирать 2–3 урожая этой культуры в год, ело сладкий картофель ежедневно с каждым приемом пищи (Mazumdar 2000: 66–68).

Высокий уровень связности (благодаря глобальной торговле пряностями) позволил американским культурам быстро распространиться по Юго-Восточной Азии. Кешью, папайя, гуава, ананас и многие разновидности американских тропических фруктов росли в этом регионе уже в начале XVII в. В Индии же до начала XIX в. единственной распространенной американской культурой оставалась кукуруза, однако в XIX в. в индийскую кухню прочно вошли и многие другие: белый и сладкий картофель, перец, томат, маниока и др.

Роль глобальной диффузии продовольствия в ходе «колумбова обмена» была поистине колоссальна для всех регионов глобального мира. Распространение новых, зачастую более производительных базовых культур значительно улучшило питательную ценность повседневного рациона большинства простого населения, повысив его разнообразие и снизив риски недоедания. Более того, многие новые культуры стали важными источниками витаминов, что внесло свой вклад в улучшение здоровья населения⁸. Выращивание новых базовых культур наряду с традиционными снижало риски массового голода в случае неурожая какой-либо одной культуры.

В целом, по мере повсеместного распространения новых культур заметно вырос потенциал несущей способности Земли практически во всех регионах Старого Света, что явилось важнейшей предпосылкой к радикальным изменениям демографической динамики (см. далее), а также началу модернизационного

Три пика заполнения экологической ниши: 1300–1750-е гг.

Новейшие исследователи, как принадлежащие к Калифорнийской школе, так и другие, справедливо придают проблеме уровня жизни в разные эпохи и разных странах важнейшее значение (Allen 2009; 2011; Clark 2007; Pomeranz 2000; Huang 2002; Goldstone 2008b; Аллен 2013; 2014; Vries 2013). Однако, на наш взгляд, сводить все измерение доиндустриальной истории к уровням потребления и заработной платы, представляя ход истории в виде какого-то сизифова труда технологического прогресса в борьбе с мальтузианской ловушкой, когда все усилия общества оказываются напрасными (поскольку рост населения «съедает» рост производства), как делает, например, Г. Кларк (Clark 2007; Кларк 2012), неправомерно. Он (*Ibid.*) неоднократно указывает, что уровень жизни (точнее, заработной платы рабочих) колебался ниже уровня, возникшего после эпидемии чумы в XIV в. Это служит аргументом в пользу утверждения, что настоящего прогресса до начала XIV в. как бы и не было (что это за прогресс, если не растет уровень жизни?). Кларк не видит связи между ростом населения и качественным развитием. *Мы же полагаем, что в макроэволюционном плане до промышленного переворота важнее был не рост уровня жизни, а рост численности населения, который также стимулировал развитие институтов и государственности, знаний, социальной культуры и методов, предотвращающих массовые катаклизмы (как то: общественные запасы зерна, борьба с эпидемиями и т. п.* [см.: Коротаев 2003; Коротаев, Малков, Халтурина 2005а, 2005б, 2007, 2008; Гринин 2010г, 2016; Grinin, Korotayev 2015; Korotayev, LePoiré 2020]). *С другой стороны, развитие институтов и рост сложности социальных систем служили важнейшим условием значительного роста населения.*

⁸ В традиционных обществах болезни, связанные с нехваткой витаминов (например, цинга), могли быть весьма значимы для крестьянства, особенно на севере (McNeill 1976: 204–205).

Неолитическая (аграрная) революция открыла путь к тому, что потолок, обозначенный природой для численности населения людей, был превзойден, чтобы экологическая ниша под влиянием разного рода инноваций расширилась, появились общества с населением вполне современного масштаба в десятки и сотни миллионов человек. И если в отношении количества потребленных калорий и структуры диеты не было устойчивого прогресса, а уровень доходов мог колебаться вокруг мальтузианского аттрактора, то в отношении численности населения и общего объема ВВП прогресс был, хотя и относительно медленный (Maddison 2001; 2010; Korotayev, Malkov, Khaltourina 2006a; Livi-Bacci 2012; Коротаев 2020в). По различным приблизительным оценкам, численность населения выросла с 225–300 миллионов в начале нашей эры до почти миллиарда человек к 1800 г. (Durand 1960; McEvedy, Jones 1978; North 1993; Kremer 1993; Maddison 2001; 2010; Korotayev, Malkov, Khaltourina 2006a; Цирель 2008; Livi-Bacci 2012; Grinin, Markov, Korotayev 2013; Korotayev 2020с), то есть очень даже существенно. В общеэволюционном плане, по нашему мнению, промышленная революция в принципе не могла начаться до тех пор, пока численность населения Земли не достигла достаточно высокого уровня. Ведь пока имелись значимые резервы территории, куда могло переселяться избыточное население, не было потребности в коренном изменении типа производства. Тип производства не мог измениться, пока мировое население (вместе с производством и торговлей) не достигло определенного объема. Таким образом, промышленная революция не могла случиться в Древней Вавилонии в 1800 г. до н. э. или в Древней Греции в 500 г. до н. э. (Clark 2007: 318) потому, что для ее совершения требовались возникновение массы новых обществ и рост населения Земли до определенного уровня⁹. Только заполнение глобальной экологической ниши и одновременное заполнение ниши политической (то есть сосуществование множества, а не единичных высокосложных политий в плотном геополитическом контакте) вели к интенсификации производства, потребности в инновациях, в результате чего Мир-Система могла приблизиться к переходу к новому аттрактору путем промышленной революции (по поводу роста политической плотности и сложности мира см.: Grinin 2008a; 2011a; 2012a; Grinin, Korotayev 2006; Korotayev, Grinin 2006; 2012a).

Однако при заполнении ниши переход к новому аттрактору не происходит автоматически. В одних случаях – более частых – при заполнении ниши случается обвал, и только в других – более редких – происходит переход к новому аттрактору¹⁰. В этой связи, если рассматривать динамику численности населения в Европе, можно говорить о трех пиках и одновременно о трех эволюционных попытках вырваться из мальтузианской ловушки и перейти к новому типу хозяйствования. По некоторым данным, численность населения Западной Европы достигла к 1300 г. 55–60 млн человек, в 1500 г. (после катастрофического сокращения в результате «черной смерти» и последующего восстановления) численность населения Европы в целом оставалось практически той же (55–60 млн человек), но уже к 1600 г. она выросла до 70–75 млн. Темпы роста населения Европы (как и почти всего остального мира) значительно замедлились в XVII в. (см., например: Parker 2013; Зинькина и др. 2016; Zinkina et al., 2017), однако вновь значительно ускорились в XVIII в.,

⁹ В Китае рост населения достиг к середине XIX в. потрясающего уровня – 430–440 млн человек (Durand 1960; Zhao, Xie 1988; Korotayev, Malkov, Khaltourina 2006b). И пока такой рост мог происходить, в промышленной революции не было смысла. Ведь она заключается в замене ручного труда, а зачем его заменять, если труда и без того избыток и он периодами становится дешевле?

¹⁰ См., например: Grinin, Korotayev, Malkov 2008; Grinin и др. 2009; Korotayev, Malkov, Халтурина 2005a; Коротаев, Комарова, Халтурина 2007; Коротаев, Халтурина, Божевольнов 2010; Коротаев, Малков 2014; Turchin 2003; 2005; Turchin, Korotayev 2006; Turchin, Nefedov 2009; Korotayev, Komarova 2004; Korotayev, Malkov, Khaltourina et al. 2006b; Korotayev, Khaltourina 2006; Korotayev et al. 2011a; 2011b; Grinin 2012a; 2012b.

так что к 1800 г. численность населения Западной Европы вышла на уровень 115–120 млн (Russel 1972; Cipolla 1981: 4; 1972: 36; Clark 1968: 64; Maddison 1991: 226–227; McEvedy, Jones 1978: 49, 51, 107; Maddison 2001; 2010; Илюшечкин 1986; см. Рис. 4.4).

Таким образом, после 1300 г. состоялась первая попытка превзойти потолок экологической ниши, в результате чего произошел социально-демографический коллапс, связанный с эпидемией чумы, неурожаем, социально-политической дестабилизацией, но также и с изменением климата, который стал более холодным и сырым (Flohn, Fantechi 1984: 37, 39; McNeill 1998; Клименко 2009; Livi-Bacci 2012); при этом спад численности населения в Англии, Франции, Германии, Испании и Италии между 1347 г. и первой половиной XV в. оценивается в 30–40 % (Livi-Bacci 2012: 44)¹¹. Однако это был не полный возврат к старому, а важный переход, который усилил процессы трудосбережения, запустил процесс технических инноваций и подготовил условия для начала промышленной революции (Herlihy 1997). Начало следующей эволюционной попытки может быть датировано концом XV в., когда в целом по Европе мы наблюдаем примерно ту же численность населения, что и два века назад. В итоге с конца XV в. мы можем говорить о начале промышленной революции. Эта попытка выйти из мальтузианской ловушки оказалась более (но, однако же, далеко не полностью) успешной, чем предыдущая, благодаря инновациям в сельском хозяйстве, начавшейся глобализации и быстрому росту международной торговли (Гринин и др. 2009; Гринин, Коротаев 2012б). А период около 1750 г. можно считать началом третьей эволюционной попытки, которая завершила промышленную революцию и вывела общества из мальтузианской ловушки (см. также о трех попытках стран Запада встать на путь сравнительно быстрого, длительного, относительно устойчивого, самоподдерживающегося экономического роста: Мельянцев 1996: 99)¹².

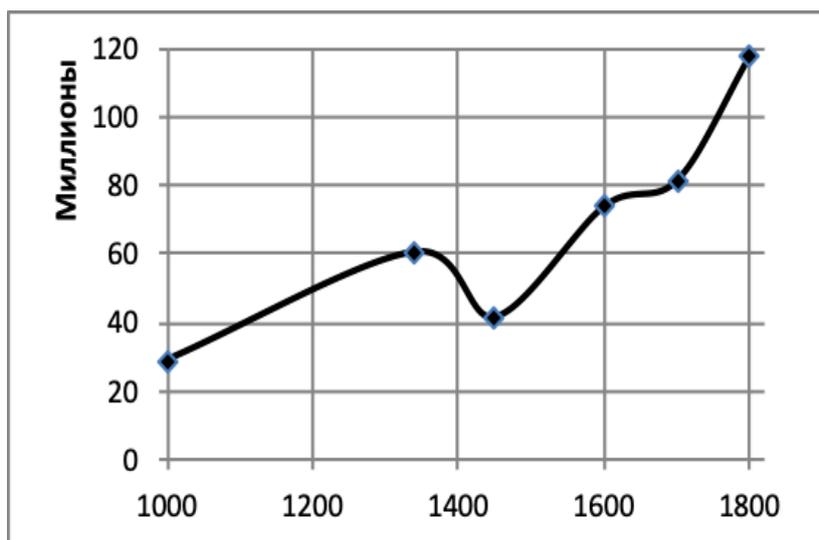

Рис.12.2. Динамика численности населения Западной Европы, млн человек, 1000–1800 гг.

¹¹ «Точные данные о масштабах сокращения численности населения за период между 1348 г. и достигнутым в первой половине XV в. дном отсутствуют, но сокращение численности населения на 30–40 % подтверждается исследованиями, проведенными по местным источникам в Пьемонте и Тоскане, а также во Франции, Испании, Англии и Германии» (Livi-Bacci 2012: 44).

¹² Отметим также (хотя объяснение этого выходит за рамки нашего исследования), что все три пика заполнения экологической ниши, равно как и откаты, были связаны с изменением климата (см., например: Flohn, Fantechi 1984; Мельянцев 1996: 85–88; Клименко 2009; Parker 2013).

3. XVI–XVII вв. Синхронные процессы на Западе и Востоке. Социальная эволюция как общий процесс в Мир-Системе

3.1. XVI век – эпоха всеобщего экономического развития

Ниже будут рассмотрены некоторые яркие проявления экономического роста в различных империях во второй половине XV – начале XVI в. О социально-политических изменениях в этих империях мы уже говорили в гл. 7 и 8.

Территориальная экспансия империй

В целом за период 1462–1533 гг. Великое княжество Московское, ставшее Русским государством, выросло примерно втрое как по территории, так и по численности населения (Ostrowski 2006: 213). Благодаря присоединению новых территорий и активной интеграции их ресурсов к середине XVI в. Русское государство начинает претендовать на лидерство в своем окружении. В дальнейшем наибольших военных (и экспансионистских) успехов в строительстве своей первой империи оно добилось за счет покорения значительной части бывших территорий Золотой Орды, а именно ее преемников в виде Казанского, Астраханского и Сибирского ханств. К концу XVI столетия Москва в большей или меньшей степени контролировала почти все бывшие территории Золотой Орды, за исключением Крымского ханства и центральноазиатских владений Орды. Взятие же Казани открывало доступ к среднему течению Волги и одновременно к Сибири, торговым путям в Центральную Азию и Китай, а также в Иран и на Кавказ, играя роль московского «окна на Восток» (Назаров и др. 2013: 278–280; Khodarkovsky 2006: 319).

Османская империя в результате успешных завоевательных походов в первой половине XVI в. превратилась в одну из крупнейших мировых держав, в значительной степени контролировавшую Черное и Средиземное моря и раскинувшую свои владения общей площадью 6 млн км² на трех континентах (Новичев 1963: 98). Что касается численности населения, то в 1400 г. в «ядре» империи – Западной Анатолии и юго-восточной части Балкан – оно составляло около 5 млн; после нашествия Тимура численность населения восстановилась и стала расти лишь во второй половине XV в. Благодаря присоединению новых провинций в Европе и Азии население империи приблизилось к отметке 10 млн на рубеже XV–XVI вв. К концу XVI в. Османская империя после бурной череды успешных завоеваний достигла своего максимума – 28 млн человек (из них 8,5 млн в Северной Африке, 12 млн на Ближнем Востоке и примерно 7,5 млн на Балканах) (McEvedy, Jones 1978: 134–136).

В настоящем разделе также будет рассмотрена империя Мин. Она не вела какой-либо масштабной завоевательной политики и не относится к «пороховым империям» в классическом смысле этого термина. Тем не менее ее экономический рост и развитие в XVI столетии были впечатляющими. Рост численности населения в эпоху Мин был значительным, хотя оценки конкретных значений сильно расходятся. Согласно официальным минским переписям, население Китая выросло до 60,5 млн чел. к 1393 г., затем флуктуировало между уровнем, чуть превышавшим 50 млн (1431–1435, 1487–1504 гг.) и 63–65 млн чел. (1486, 1513, 1542–1562 гг.), а в 1603 г. составило 56,3 млн (см., например: Durand 1960: 231–232). Однако в настоящее время не вызывает сомнения тот факт, что реальная численность населения минского Китая была значительно выше, а «данные официальных переписей безнадежно утратили всякий контакт с демографической реальностью» (Brook 1998: 162). В результате катастрофического уменьшения среднегодовой температуры и серии эпидемий чумы (в особенности «черной смерти» середины XIV в.) население Китая во время падения Юаньской династии снизилось примерно до 60–65 млн; оценки же численности населения в конце Минской эпохи варьируются от 120 до 250 или даже 290 млн чел. (см.: Коротаев, Халтурина, Божевольнов 2010: 91).

В любом случае, за два столетия эпохи Мин население увеличилось в несколько раз. О демографических циклах в Китае подробнее см. в Экскурсе 1.

Сельское хозяйство

В конце XV – первой половине XVI в. в различных регионах многих империй происходят важные изменения в способах ведения сельского хозяйства, с одной стороны, направленные на его интенсификацию, с другой – сопряженные с ростом численности населения, традиционные для фаз роста, а затем сжатия социально-демографических циклов.

Так, в России переложное подсеčno-огневое земледелие, требовавшее большого количества земельных ресурсов, массово вытеснялось трехпольным севооборотом¹³. В писцовых книгах XV в. «постоянно употребляются названия: рожь и ярь – это озимые и яровые хлеба, рядом с которыми существовала «паренина», или пар, то есть поля, оставленные без обработки и отдыхающие от посевов» (Тихомиров 1966: 52–53). Значительной интенсификации земледельческого труда в этот период способствовали также введение практики повсеместного использования органических удобрений (унавоживания земли), эволюция пашенных орудий, укрупнение деревень, появление пастухов, строительство специальных помещений для содержания скота и ухода за ним, широкое развитие мельничного дела (вместо ручного размола зерна) и т. д. Все эти нововведения позволили повысить урожайность ржи до 1 : 4–5 (максимальное значение 1 : 10), овса до 1 : 3, ячменя до 1 : 4–5 (Горская 1990: 234–238).

В Османской империи увеличение сельскохозяйственного производства и рост численности населения отмечались вплоть до 80-х гг. годов XVI в. Был введен ряд новых сельскохозяйственных культур, в том числе завезенных из Америки, в особенности кукуруза, довольно быстро распространившаяся почти во всех провинциях Османской империи (Иванов, Орешкова 1999: 85–86; Коротаев 2006). При Сулеймане Кануни были значительно снижены налоги на многих завоеванных территориях: например: в Боснии уровень совокупной ренты уменьшился с 3/5 до 1/5–1/4 дохода крестьянского хозяйства (Нефедов 2008: 587; Inalcik 1994: 16). М. Кошгел, исследуя производительность сельского хозяйства (выработку аграрного продукта на одного работника) в Османских провинциях в сравнении со странами Европы, обнаружил, что, хотя на протяжении XVI в. этот показатель почти во всех провинциях снижался в результате значительного роста деревенского населения, он тем не менее оставался выше, чем во многих странах Европы в середине XIX в. (кроме Британии) (Cosgel 2006: 171).

В Индии, как отмечает С. А. Нефедов, в начале правления Акбара, после опустошительных войн и «великого голода» 1556 г., хозяйство страны находилось в глубоком упадке (Нефедов 2001б). Однако серия реформ: проведение кадастра и установление точного размера земельного налога в зависимости от возделываемых культур и плодородия почв, строгий запрет на дополнительные поборы, налоговые льготы и займы крестьянам, «поднимавшим целину», – дала свои результаты (Антонова 1952: 221–224; Нефедов 2001б). Отмечается, что в этот период (и как минимум до середины XVII в.) «индийское земледелие, несмотря на примитивность орудий труда, находилось на относительно высоком уровне. С орошенных земель индийский крестьянин снимал два, а в некоторых

¹³ Следует подчеркнуть, что по выходу продукции с поля переложное подсеčno-огневое земледелие обычно намного более продуктивно, чем трехпольное земледелие. Однако трехпольное земледелие дает возможность прокормить с одной и той же территории в разы большее население, чем подсеčno-огневое. Для продуктивности переложного земледелия необходимо, чтобы на 1 га обрабатываемой земли приходилось более 10 га залежи (1 га засеивается 3–4 года подряд, после чего 30–40 лет должен находиться под залежью для полного восстановления производительности земли). При трехпольном же земледелии это соотношение меняется до всего лишь 2 : 1, то есть на 2 обрабатываемых га приходится лишь 1 га под паром.

районах три урожая в год. Нередко применялся плодосменный севооборот; плодородие повышалось в результате применения разнообразных удобрений. ... По интенсивности крестьянского труда, разнообразию культур, широкому применению удобрений, довольно сложному севообороту, наличию обширного клина орошаемых земель индийское земледелие стояло тогда на более высоком уровне, чем в большинстве европейских стран, где господствовало трехполье, а количество возделываемых культур ограничивалось несколькими сортами зерновых злаков» (Антонова, Гольдберг, Осипов 1961: 13).

С. А. Нефедов отмечает еще один важный факт: цена на пшеницу в это время в среднем оставались довольно низкой, в 1595 г. она составляла 0,4 рупии за ман¹⁴. По вычислениям А. Хестона, квалифицированные рабочие, получавшие 2,4 рупии в месяц, могли купить на дневную зарплату 5,2 кг пшеницы (Heston 1977: 392). Пересчитав уровень реальной платы для неквалифицированных рабочих, Нефедов получил цифру около 1,5 рупий в месяц, что эквивалентно 4,6 кг зерна в день – достаточно высокий уровень оплаты, соответствующий периоду восстановления экономики.

Значительная часть производительности сельского хозяйства в Китае в эпоху Мин была основана на достижениях и изобретениях предшествовавших поколений. Важнейшими источниками роста производительности сельского хозяйства служили ирригация и интенсификация посадок. Число ирригационных проектов в XVI в. по сравнению с XV в. более чем удвоилось – с 454 до 1 074; особенно значимым это увеличение было на севере, где число таких проектов выросло более чем втрое – с 65 до 200, и в центральных районах страны – с 91 до 361, почти в 4 раза (Perkins 2013: 61). Эти проекты были чрезвычайно важны для аграрного освоения горных территорий – тех, где источник воды располагался ниже поверхности поля (Шан Юэ 1959: 445–446). Особенно велика была роль водяного колеса, а также создания труб из стволов бамбука (Крюков, Малявин, Софронов 1987: 98–99). Интенсификация посадок происходила за счет трудоинтенсивных методов: выращивания двух урожаев в год, многопольного севооборота, а также выведения новых, более производительных сортов тутовых деревьев и более скороспелых сортов риса на основе южновьетнамского риса, обеспечившего «зеленую революцию» эпохи Сун. Начало убывающей отдачи от такой интенсификации замедлялось при помощи различных методов восстановления и повышения плодородия почвы (в первую очередь, большего использования органических удобрений) (Heijdra 2008: 520–523).

Наряду с такими традиционными товарными культурами, как шелк, чай и др., все большую роль в XVI в. играет хлопок. Вскоре после воцарения минской династии Чжу Юаньчжан предписал всем земледельцам, имеющим от 5 до 10 му земли, использовать по 0,5 му под тутовый шелкопряд, коноплю и хлопок. Посевы хлопка, таким образом, распространились по всей империи (Крюков, Малявин, Софронов 1987: 101–102). Хлопководство и производство хлопчатобумажных тканей и готовых изделий вызвали колоссальный переворот в быту XVI в. В китайском народе стали массово носить хлопчатобумажную одежду, которая постепенно заменила одежду из конопляного волокна и шелка¹⁵. Более того, хлопководство способствовало развитию специализации.

С конца XV в. в Китае, особенно на юге с его высокой плотностью населения, происходит быстрый процесс «поглощения», захвата земли частными лицами, которые зачастую начинали специализироваться на каком-либо направлении товарного сельского хозяйства (Симоновская 1966: 22–23).

¹⁴ О величине мана того времени нет сведений, однако известно, что его хватало, чтобы прокормить несколько человек, т. е. не только работника, но и его семью (см.: Нефедов 2001б).

¹⁵ «Китайский ученый У Хань, цитируя автора минского времени, пишет, что хлопкосеяние началось именно в минское время, когда семена хлопка стали распространяться по всей Поднебесной. Выгода от хлопка «в сто крат больше, чем от шелка», а занимались им и бедные, и богатые» (Симоновская 1966: 14).

Урбанизация и развитие ремесленного производства

XVI в. (особенно его вторая половина) был для Руси периодом бурного развития городов-крепостей, форпостов и административных центров; начинали формироваться новые значимые по размеру и функционалу региональные центры (de Vries 1984: 269–287; Rozman 1976: 33–42, 56–66).

Оценить изменение численности русских городов на протяжении XVI в. крайне сложно ввиду отсутствия прямых данных. Согласно данным кадастров и писцовых книг Р. Френч насчитывает 138 городов в начале XVI в. (French 1983: 263–264); А. А. Зимин (1960: 148) пишет о 160 городах в середине века; наконец, ряд других оценок ближе к концу столетия указывает на более чем 200 городов (см.: Shaw 2006: 300). «Собирание земель» привело к упадку или исчезновению ряда городов-крепостей на бывших границах отдельных княжеств; однако это уменьшение с лихвой компенсировалось вхождением в состав Русского государства городов, уже существовавших на присоединенных землях, а также строительством на этих территориях многочисленных новых городов.

Так, позиции России на Волге существенно укрепились благодаря строительству в 1580-е – 1590-е гг. таких городов, как Самара, Саратов, Царицын (современный Волгоград). Пограничный район с Крымским ханством был укреплен строительством целого ряда городов-крепостей, таких как Воронеж, Ливны, Елец, Курск, Белгород, Оскол и др. (Тихомиров 1962; Кочедатов 1978; см. также: Pavlov 2006: 270–274; Shaw 1983: 117–142; Shaw 2006: 301). В конце столетия происходит также дальнейшее расширение российской территории на восток, ознаменованное построением Уфы, а затем Тюмени. Знаковым для освоения Восточной Сибири стало основание Тобольска в 1587 г. В последующие годы в этом регионе были основаны еще многие города, в основном по берегам рек (для удобства передвижения), таких как Иртыш (Тара), Обь (Сургут, Нарым, Томск), Енисей (Енисейск) (Кочедатов 1978; Shaw 2006).

Крупнейшим центром ремесел и мануфактурного производства была Москва, население которой к концу века составило 80–100 тыс. чел., что сопоставимо с такими важными европейскими центрами, как Рим, Лиссабон, Милан, Мадрид (Зимин 1960: 149; Тихомиров 1962: 66; Chandler 1987: 481). Здесь были развиты ремесла, требовавшие высокой квалификации мастеров: книгопечатание, ювелирное, иконное, железоделательное дело, производство огнестрельного и холодного оружия, боеприпасов и т. д.¹⁶ (Тихомиров 1962: 84–85; см. также: Бахрушин 1952: 29–32, Шапиро 1977: 96–97).

Однако ошибочно полагать, что все достижения того времени были сосредоточены исключительно в Москве. Новые ремесла концентрировались также в Твери, Новгороде, Смоленске (Тихомиров 1966: 67–74). Для сравнения: Франкфурт-на-Майне, один из самых развитых промышленных городов Средневековья, в середине XV в. славился более чем 190 ремесленными профессиями; столетие спустя в Великом Новгороде их было не менее 220, причем этот список должен быть дополнен, поскольку в нем отсутствует целый ряд ремесел, упоминаемых в других источниках (Шапиро 1977: 96). Более того, в XVI в. торгово-ремесленные поселения, а также промыслово-земледельческие слободки нередко вырастали в новые города или городские поселения.

В Индии XVI в. интенсивно росло население среднекрупных городов, специализировавшихся на торговле и мануфактурном производстве (см. ниже). Есть даже мнение, что эпоху Великих Моголов следует считать «золотым веком» индийской урбанизации; доля городского населения в то время была, возможно, выше, чем в Индии XIX в. (Rauchdhuri, Nabib, Kumar 1982: 185). Более того, Агра и Фатехпур Сикри¹⁷ при Акбаре

¹⁶ Разумеется, распространено было и производство товаров массового потребления: полотна, одежды, бытовых и кожаных изделий и т. д. (Тихомиров 1962: 86).

¹⁷ В этот город Акбар перенес столицу в 1571 г., и там она оставалась вплоть до 1585 г.

были намного крупнее Лондона; Дели при Шах-Джахане лишь немногим уступал по размерам Парижу.

В целом исследователи выделяют 4 типа городов в Северной Индии: 1) административные центры (чьи производственные или сакральные функции были вторичны) – Агра, Дели, Лахор, позднее Хайдарабад и Файзабад; 2) центры торговли и ремесленного производства – Патна и Ахмадабад; 3) центры паломничества – Бенарес, Матхура, 4) центры, специализировавшиеся на определенном виде ремесленного производства или товарного сельского хозяйства (Байана – выращивание индиго; Хайрабад и Дарьябад – текстиль) (Raychaudhuri, Habib, Kumar 1982: 435–436).

При Акбаре чрезвычайно активно развивалась внутренняя и внешняя торговля. Следует отметить, что заслуга здесь принадлежит не только политике правителя (который, в частности, снизил пошлины до 2,5 % и отменил все дополнительные поборы с торговцев и акцизы; см. Алаев 2003: 170), но и активному вовлечению Индии с древних времен в афроевразийскую, а с XVI в. – и в глобальную торговую сеть: «Ремесленное производство было впечатляющим – особенно в хитросплетениях текстильной промышленности. Специалисты по плетению, окраске, отбеливанию, нанесению рисунка производили колоссальное количество хлопковых и шелковых тканей для продажи на местных, региональных и международных рынках. Рынки товаров и рабочей силы были обширными и эффективными. Наземные, прибрежные и океанические торговые пути связывали местные экономики с остальным миром. ... Индийское население давно привыкло к денежной экономике, используя золото, серебро, медь, а также монеты из сплава серебра и меди. Скучное местное производство золота и серебра с лихвой компенсировалось крупным импортом, который обеспечивался положительным торговым балансом Индии» (Richards 1995: 4; подробнее см.: Raychaudhuri, Habib, Kumar 1982: 45–162).

Городскую культуру Китая можно без преувеличения назвать очень древней. В XVI в. крупнейшими и самыми многолюдными городами страны были Пекин и Нанкин – две столицы империи. Кроме Нанкина и Пекина, в минскую эпоху насчитывалось еще более 30 крупных торговых городов, таких как Сучжоу, Ханчжоу, Фучжоу, Учан, Наньчан, Гуанчжоу, Гуйлинь, Чэнду, Чунцин, Кайфын, Цзинань, Тайюань и др. Большинство из них было сосредоточено в юго-восточных приморских районах Китая, поскольку северная часть страны подверглась разрушениям со стороны чжурчжэней и монголов (Шан Юэ 1959: 443; см. также: Heijdra 2008: 419–421).

Период бурного расцвета ремесел начинается с середины XVI в. и длится практически до падения династии Мин в 1644 г. Этот расцвет был связан с многочисленными технологическими улучшениями и нововведениями в важнейших для Китая областях ремесла: шелковом, хлопковом, фарфоровом, железоплавильном, бумажном производстве. Были изобретены сравнительно сложные ручные машины и приспособления, опередившие европейские открытия и изобретения: хлопкоочистительный станок, многоверетенная прялка, станок для тканья узорчатых шелков, новые виды глазури для фарфора, отвод рудничного газа из шахт и т. д. (Стужина 1970: 97–98).

Центром шелкоткачества при Минах был Сучжоу, где часто производство расширялось от маленькой мастерской до крупного ремесленного центра с десятками ткацких станков и спрос тем не менее превышал предложение. Город Сунцзян прославился как центр производства хлопчатобумажных тканей, в особенности белого ситца, спрос на который был высок во всем Китае (Шан Юэ 1959: 438–442). Помимо старинных городов в Китае в это время возникали и крупные промыслово-ремесленные и торговые пункты, где главенствовал один вид производства: добыча каолина, изготовление фарфора, разработка олова или железное дело. Примером такого города был Цзиндэчжэнь, крупнейший центр фарфорового производства, где на территории всего 10 км² располагались 3 тыс. казенных и частных печей для обжига фарфора; продукция на 90 % составляла

бытовые предметы первой необходимости и лишь на 10 % – предметы роскоши, украшения для интерьера и т. д. (Симоновская 1974: 142–146). Провинция Аньхуэй давала тушь и чай; Сычуань – белый воск, соль, лекарства; Фуцзянь – лаковые изделия; Цзянси – бумагу и т. д. (Симоновская 1966: 59).

В качестве заключения процитируем весьма емкое описание «золотой эпохи» династии Мин (примерно с середины XV в.): «Перенос столицы на Север замедлил развитие городов в нижнем течении Янцзы, но в целом города росли. Дымили казенные металлургические заводы и фарфоровые мануфактуры, работавшие не только на внутренний рынок, но и на экспорт. Торговля строго контролировалась, но всюду сновали корабельники, а купцы постепенно богатели, обходя препоны. Несмотря на «морские запреты», все новые переселенцы из Фуцзяни и Гуанчжоу пополняли колонии хуацяо в Юго-Восточной Азии. ... Исправно действующая система экзаменационных конкурсов и государственные школы регулярно поставляли избыточное количество лауреатов, претендующих на рабочие места и жалование. ... Жизнь стала проще, но удобней. В чайной церемонии начали использовать заварочные чайники. Фарфор становился все тоньше. Расцвели жанровая миниатюра, мелкая пластика, прикладное искусство. ... Не зная серьезных соперников, Поднебесная ощущала себя полностью самодостаточной» (Рябинин, Уваров 2012б: 661).

3.2. Всеобщий кризис XVII в. Его масштаб и факторы

Этот термин был введен выдающимся британским историком Эриком Хобсбаумом для обозначения примерно 100-летнего (с 1620-х до 1720-х гг.) периода чрезвычайно частых и интенсивных политических потрясений. Согласно Хобсбауму, этот кризис являлся завершающей стадией перехода Европы от феодальной экономики к капиталистической (Hobsbawm 1954: 33). Однако дальнейшие работы выявили значительно больший – поистине глобальный – масштаб Всеобщего кризиса и предложили принципиально иные его объяснения.

Дж Голдстоун детально рассмотрел Английскую революцию XVII в., городские бунты и Анатолийские восстания в Османской империи (достигшие пика с убийством султана в 1648 г.), а также падение династии Мин в Китае в 1644 г. и показал, что все эти события происходили в контексте одних и тех же причин и факторов – глобального кризиса аграрных абсолютистских государств, тесно связанного с масштабным экологическим кризисом. В частности, Голдстоун отмечал, что во всех рассмотренных им случаях масштабные политические потрясения сопровождались одновременным ухудшением фискальной ситуации¹⁸, расколом элит и утратой их лояльности к властям, а также значительным снижением уровня жизни большинства населения. Более того, в основе этих явлений лежал быстрый рост населения в XVI в., превосходивший производительность сельского хозяйства (Goldstone 1988: 106–107). Действительно, по некоторым оценкам, в течение XVI в. население многих стран и регионов удвоилось, составив в Китае 150 млн, в Индии – 116 млн, в Европе – около 100 млн чел. (Parker 2013: 23).

Наиболее детально события Всеобщего кризиса изложены в фундаментальной монографии Дж. Паркера 2013 г. «Глобальный кризис: войны, изменения климата и катастрофы в семнадцатом веке» (*Global Crisis: War, Climate Change and Catastrophe in the Seventeenth Century*). Так, Паркер показал, что проявления всеобщего кризиса охватили практически весь мир: от Англии до Японии, от Московского царства до Африки южнее Сахары, а также и Северную и Южную Америку.

¹⁸ Которая усугублялась тем, что необходимость финансировать военные действия и подавление восстаний требовала от правительства больших расходов на армию, что вело к еще большему повышению налогов и манипуляциям с деньгами (подмешиванию простых металлов в серебряные монеты, выпуску практически обесцененных медных или бумажных денег). Так, Дж. Паркер отмечает, что во Франции налогообложение домохозяйства из 4 человек возросло с эквивалента 14 дней труда до 34 дней к 1675 г.

Начало Всеобщего кризиса Паркер датирует 1618 г. – годом начала Тридцатилетней войны в Европе, смещения османского султана и вторжения маньчжуров, объявивших войну династии Мин, в китайский Ляодун. Эта датировка имеет под собой основание, однако следует подчеркнуть, что в целом ряде регионов и государств кризисные проявления можно наблюдать и ранее, в самом начале XVII в. или даже в конце XVI в.

Так, Смутное время в России, датируемое 1598–1613 гг., по целому ряду причин можно отнести к наиболее ранним проявлениям Всеобщего кризиса. Смуте предшествовал начавшийся с 70-х гг. XVI в. хозяйственный кризис, который «достиг апогея к середине 80-х. Он поразили почти всю территорию страны, в особенности центральные и западные районы. Эпоха «великих расчисток» и экономического подъема сменилась годами упадка и неурожаев» (Назаров 2013: 291). С начала 90-х гг. можно говорить о некотором оживлении, однако вскоре, в 1601–1603 гг., «после трех лет неурожаев подряд, умерших от голода считали сотнями тысяч, цены на зерно подскочили в десятки раз, большое число поместий оказалось на грани разорения. В таких условиях был неизбежен социальный взрыв» – и он последовал в виде полномасштабной гражданской войны, открывшей «бунташный век» в истории России (Назаров 2013: 293, 307).

Описывая положение Китая в конце XVI в., А. Л. Рябинин и П. Ю. Уваров также отмечают нарастание кризисных проявлений: «социальные противоречия, свойственные середине и второй половине династического цикла, нарастали: население умножалось, а земельный фонд был ограничен, размеры среднего крестьянского участка уменьшались, росли средние и крупные земельные владения, уходившие на эти земли тягловые люди переставали платить налоги, в результате чего их собираемость падала; быстро растущий государственный аппарат получал все меньшее жалованье в расчете на одного чиновника; солдаты переставали получать довольствие и переходили к разбою, у государства не хватало средств на оплату ремесленных поставок и купеческих перевозок, в связи с чем росла доля ремесленных и торговых отработочных повинностей» (Рябинин, Уваров 2012б: 662).

К середине XVII в. глобальный кризис набирает интенсивность. В 1640-х гг. пала династия Мин в Китае, самой населенной стране мира; во многих частях империи Стюартов и Испанской империи вспыхнули массовые восстания, отзвуки которых дошли даже до американских колоний. Впервые в истории король (Карл I Английский), потерпев поражение в гражданской войне, предстал перед судом и был казнен. Во Франции в это время бушует Фронда, в империи Моголов идет война за наследование престола, в Речь Посполитую вторглись шведы (т. н. Шведский Потоп, Шведская Погибель), что запустило полномасштабный политико-демографический коллапс. В целом середина XVII в. «видела больше гражданских войн, чем любая другая предшествовавшая или последующая историческая эпоха» (Parker 2013: 26). Хотя ряд конфликтов закончился в 1660-х гг., на многих территориях – в том числе в России, Китае, части Европы и т. д. – период нестабильности завершился лишь в 1680-х гг. (Parker 2013: XXIII–XXIV). Отдельно стоит отметить Россию. По меткому замечанию О. Е. Кошелевой и Т. А. Опариной: «Невозможно найти текст, в котором XVII в. не назвали бы «бунташным». Действительно, в этот период страну особенно часто сотрясали народные возмущения, истоки которых, возможно, кроются в Смутном времени. Оно принесло, с одной стороны, тяготы и разруху, с другой – веру в то, что можно прийти «скопом» к Московскому Кремлю и повлиять на власть и ее политику. В стране в течение всего XVII в. появлялись самозванцы, менее успешные, чем Лжедмитрии, однако также находившие сочувствие в народе. Крупнейшим восстанием второй половины века было восстание Степана Разина (1670–1671 гг.), охватившее обширную часть страны. Из городских восстаний к самым крупным относились восстания в Москве: в 1648 г. (Соляной бунт), в 1662 г. (Медный бунт)

и стрелецкие восстания в 1682 («хованщина») и в 1698 гг. Возмущения горожан наблюдались не только в Москве, но и в десятках других городов, с особой силой они вспыхнули в Новгороде и в Пскове в 1650 г.» (Кошелева, Опарина 2013: 638–662).

Дж. Паркер акцентирует внимание на роли климатических факторов. Практически на всем своем протяжении Всеобщий кризис сопровождался аномальными климатическими условиями: глобальным похолоданием и множеством связанных с ним экстремальных погодных явлений, таких как засухи, наводнения, экстремально морозные зимы, наблюдавшихся в разных частях света¹⁹. Период с 1640-х до 1690-х гг. – самый длительный и при этом самый суровый случай глобального похолодания за всю эпоху голоцена – получил у климатологов название Малого ледникового периода (Parker 2013: XVII).

В 1640-х гг. среднегодовая температура упала почти на 2 градуса ниже нормы, что почти повсеместно имело катастрофические последствия для урожаев. Подобное похолодание сокращает время, пригодное для созревания урожая, на 3 недели и более, снижая годовой урожай риса на 30–50 %, хлебных злаков – как минимум на 15 %. В более холодных зонах такое похолодание способно убить до 80 % урожая. С учетом того, что рис составлял примерно 70 % базового рациона в Китае, а хлебные злаки обеспечивали примерно 75 % энергетической ценности продовольствия, потребляемого в Европе, подобное снижение урожайности имело критическое значение для населения, провоцируя массовые вспышки голода (Parker 2013: 19).

Результатом совокупного действия всех этих факторов стало драматическое сокращение численности населения. Так, Китай в период свержения династии Мин и становления Цин утратил треть обрабатываемых земель и почти столько же населения. Население Ирландии в середине XVII в. сократилось на 20 %, некоторых германских государств за 1618–1648 гг. – примерно на 40 %. Также примерно на 1/3 сократилось население Польши, России и Османской империи (Parker 2013: 25). Таким образом, по меткому замечанию Дж. Паркера: «Роковая синергия, развившаяся между природными и человеческими факторами, создала демографическую, социальную, экономическую и политическую катастрофу, продолжавшуюся два поколения и убедившую современников, что им пришлось столкнуться с беспрецедентными трудностями» (Parker 2013: XXII).

Всеобщий кризис в контексте политико-демографических циклов.

Глобальная синхронизация кризисных фаз

Современники Всеобщего кризиса, судя по многочисленным источникам, действительно были уверены в том, что им выпало небывало трудное время. Однако если проанализировать это явление в контексте долгосрочной мировой политико-демографической динамики в доиндустриальный период, становится очевидным, что, хотя этот кризис был чрезвычайно затяжным и имел поистине глобальный масштаб, структура его причин и факторов была отнюдь не нова. Важнейшие факторы и механизмы, породившие его (Goldstone 1988; Parker 2013), были структурно присущи социально-демографической динамике аграрных обществ и на протяжении длительного времени являлись основным генератором кризисов, завершавших каждый социально-демографический цикл. Действительно, после того как сложное аграрное общество / аграрная империя заполняло свою экологическую нишу, его развитие практически неизбежно подчинялось циклической социально-демографической динамике, описанной С. А. Нефедовым и его коллегами.

¹⁹ В качестве примеров таких явлений в начале Всеобщего кризиса Дж. Паркер приводит: засухи в самых разных частях света от Тропической Африки (в 1614–1619 гг.) до долин Мексики и Виргинии (в 1616–1621 гг.); экстремально холодную зиму 1620–1621 гг. в Европе и на Ближнем Востоке, когда замерз даже Босфор; обильный снегопад 1618 г. в субтропическом Фуцзяне и т. д. Более того, в 1617–1618 гг. начался длинный период аберраций в поведении Солнца (уменьшение, а затем исчезновение солнечных пятен).

Интенсивность Всеобщего кризиса для каждого затронутого им общества также не была принципиально иной по сравнению с предыдущими кризисами. В большинстве наиболее сильно затронутых этим кризисом обществ потери составили примерно 1/3 населения (колоссальная цифра), однако в прошлом эти общества не раз переживали сопоставимые, а в некоторых случаях даже большие потери. Так, например, при изучении социально-демографической истории Египта С. А. Нефедов указывает, что: «после катастрофы 830-х годов сборы упали не на 20 %, а в пять раз; посевные площади уменьшились вдвое, цены на пшеницу упали в семь раз. Все эти факты свидетельствуют о том, что падение численности населения имело гораздо большие масштабы, может быть, оно достигало половины населения. При уменьшении численности населения на 20 % для его восстановления достаточно 10–15 лет, после этого цены должны вернуться к прежнему уровню и должен возобновиться кризис перенаселения. А после кризиса 830-х годов цены возвратились к прежнему уровню через 50–70 лет. Таким образом, кризис 830-х годов был не кратковременным демографическим спадом, а настоящей демографической катастрофой, которая отразилась на всем развитии Египта» (Нефедов 1999в).

Значительно бóльший интерес – особенно с точки зрения истории глобализации и роста связности – представляет пространственно-временной охват Всеобщего кризиса, его глобальный масштаб, с которым напрямую связан вопрос глобальной синхронизации социально-демографических циклов в аграрных обществах разных регионов, в частности кризисной фазы этих циклов.

Всеобщий кризис XVII в. был во многом схож с кризисом XIV в.: его интенсивность, длительность и синхронность была связана с глобальным похолоданием. Охватив практически целиком афроевразийскую мир-систему (сеть Старого Света), он привел к драматическому сокращению численности населения во многих ее частях. Это сходство отмечалось исследователями и ранее.

Так, П. Турчин и Т. Холл пишут: «Возможно, что кризис XVII в. был просто эхом XIV в. Однако более целостная картина получается, если рассматривать «черную смерть» и два минимума солнечной активности как повторяющиеся эпизоды шока, имевшие глобальный эффект в большинстве евразийских политий и вызвавшие синхронизацию вековых циклов на континенте. Повторяющаяся природа этих шоков, а также тот факт, что они были разделены тремя столетиями (что могло вызвать эффект резонанса) может в заметной степени объяснить евразийскую синхронность последнего тысячелетия» (Turchin, Hall 2003: 56–57).

Однако Всеобщий кризис, на наш взгляд, имел и как минимум два важных отличия от кризиса XIV в., имеющих прямое отношение к связности глобального мира, а также зарождению некоторых глобальных процессов.

Во-первых, хотя проявления Всеобщего кризиса были наиболее глубокими в государствах Старого Света, в отличие от кризиса XIV в., его масштаб не ограничился афроевразийской мир-системой; глобальное похолодание, глобализация патогенной среды и крайне нестабильная политическая обстановка в колониальных державах отразились и в колониях в Северной и Южной Америке, что сделало этот кризис поистине глобальным.

Важно понимать, что отражение Всеобщего кризиса в Новом Свете имело иную природу, нежели его проявления в Старом Свете: это не был «естественный» кризис очередного социально-демографического цикла, и об аграрном перенаселении колоний, разумеется, речи не шло. Латинская Америка, в отличие от Европы, практически не переживала крупных восстаний в этот период (за исключением восстания в Нью-Мексико, где голод, возникший из-за длительной засухи, заставил многих индейцев пуэбло вернуться к традиционной вере в надежде призвать дождь, а карательные меры властей спровоцировали массовое индейское восстание в 1680 г.; изгнанные из Санта-Фе испан-

цы смогли восстановить контроль над территорией лишь к концу столетия) (Parker 2013: 464–465).

Что касается Северной Америки, основным видом конфликтов здесь были войны английских и французских поселенцев с индейцами, которые усугубились глобальным похолоданием и падением урожаев (среди наиболее крупных эпизодов – Пекотская война и война короля Филиппа в новой Англии; «бобровые войны» в Новой Франции) (Parker 2013: 446–460). На колониях отражались также конфликты, происходившие в Старом Свете (англичане против голландцев в 1660-х гг., против французов в 1670-х и 1690-х гг.); самым кровопролитным из них стала борьба португальских и голландских интересов в Бразилии (Parker 2013: 460–461).

Таким образом, хотя глобальные климатические изменения влияли на жизнь населения Северной и Южной Америки и в доколумбову эпоху (именно с этим фактором в значительной степени связывают упадок цивилизации майя), в XVII в. их действие усилилось вовлечением данных территорий в глобальную сеть: (а) за счет борьбы за ресурсы между колонистами и местным населением; (б) из-за продолжавшихся эпидемий среди местного населения (по мере того как все новые племена вступали в контакт с колонистами) – в первую очередь, оспы, но также и других болезней, принесенных из Старого Света²⁰; (в) из-за столкновения европейских интересов (и отражения европейских конфликтов) на территории колоний. Необходимо особо сказать о роли информационной связности Старого и Нового Света. Так, ирландец У. Лампорт, готовившийся объявить себя «королем Новой Испании» (восстание не состоялось, так как он был схвачен инквизицией) (см. подробнее: Parker 2013: 461–464), как явствует из его документов, вдохновлялся примерами удачных восстаний в Европе.

Во-вторых, в истории ряда европейских государств (а также Японии) события XVII в. стали последним кризисом преимущественно мальтузианского характера. Хотя по завершении Всеобщего кризиса в Европе, как и в других регионах, начался новый социально-демографический цикл (восьмой по счету, как было указано выше), признаки фазы сжатия которого и уловил Т. Мальтус, в Англии он завершился не кризисом, а фазовым переходом, то же произошло и в Японии; еще ряд стран (Голландия, Пруссия, Россия и др.) испытали кризис восьмого цикла в сильно ослабленной форме (по сравнению со Всеобщим кризисом). Это стало возможным благодаря многочисленным инновациям и реформам, затронувшим почти все сферы жизни этих государств. Важнейшие глобальные процессы, заложившие основы модернизации, зарождения современного мира, а также способствовавшие росту глобальной связности и рождению глобальных институтов в XVI–XVII вв., будут рассмотрены в следующем разделе. Отметим, что эти же процессы «наметили» и структуру глобального мира, а именно социально-экономическое расхождение Севера и Юга (в дальнейшем также Запада и Востока), которое в XIX в. обрело масштабы Великой дивергенции.

4. Антиглобализация XVI–XVII вв.

Великая дивергенция (ср/ ukfde 6 b 14) привела к тому, что процесс внедрения европейцев в восточные и африканские страны, который шел с XV века, перерос в процесс прямого или косвенного подчинения Востока Европе. Однако представители калифорнийской школы (Blaut 1993, 2000; Goody 1996, 2004; Wong 1997; Frank 1998; Lee, Wang 1999; Lieberman 1999, 2003; Pomeranz 2000, 2002; Goldstone 1991, 2000, 2002, 2009, 2013; Hobson 2004; Rosenthal, Wong 2011; Голдстоун 2014; Vries 2013) правы, когда подчерки-

²⁰ Помимо «завезенных» ранее европейцами оспы, скарлатины и др., по тропическим регионам Северной и Южной Америки в течение XVII в. распространялись привезенные из Африки (вместе с рабами) малярия (в Бразилии, к примеру, она появилась после 1650 г.) и желтая лихорадка, эпидемии которой впервые разразились в 1648 г. в Гаване и на Юкатане (McNeill 1976: 187–189).

вают, что до XIX века нельзя говорить (особенно в отношении дальневосточных стран), что Европа играла решающую роль в делах Востока, тем более в экономическом плане (за очевидным исключением Индии и Явы после их подчинения Ост-Индскими компаниями). Внутриазиатская торговля имела бóльшие масштабы, чем торговля с Европой. Последняя была больше заинтересована в такой торговле, но предложить в обмен ей было особенно нечего, кроме американского серебра. Они правы, что Европа, во-первых, вписалась в уже существующие торговые связи (а не создала их), а во-вторых, что эта торговля в целом не влияла на Азию. Правда, постепенно влияние Европы на Турцию, Иран и особенно Индию и Индонезию возрастало. Однако в отношении наиболее развитых дальневосточных стран влияние Европы скорее даже сокращалось. Этому способствовала достаточно эффективная политика самоизоляции, которую правители этих стран проводили с XVII века (см. Симоновская, Юрьев 1974; Gunn 2003; Laver 2011; Мак-Клейн 2007: 79–80; Гринин, Коротаев 2016). Закрытие стран происходило прежде всего потому, что распространение христианства ослабляло единство населения страны, а европейские миссионеры и торговцы, используя это и иное влияние начинали вмешиваться во внутренние дела восточных империй²¹. Поскольку это были централизованные и достаточно сильные государства, европейские компании и страны не имели достаточно сил, чтобы навязать им свою волю или тем более захватить им. Они довольствовались возможностью торговать, но торговля шла под контролем правительств и только в строго определенных пунктах. Таким образом, для Восточной (и – частично – Юго-Восточной) Азии этого периода можно говорить об антиглобализации, когда связи с внешним миром ограничивались и строго контролировались, соответственно возможности для перенимания европейских инноваций были минимальными (да нужды в этом азиатские государства как более богатые не испытывали).

Антиглобализация на весьма длительном временном интервале была достаточно эффективной политикой, с помощью которой восточные правительства могли контролировать свои территории и изолировать их от внешнего влияния. Политика закрытости облегчалась тем, что в экономике дальневосточных стран внешняя торговля не играла большой роли. Например, внешняя торговля в Китае в XVIII веке по некоторым оценкам составляла всего 1 % от его ВВП (Непомнин, Меньшиков 1986: 55; Feuerwerker 1969: 2; Chang Chung-li 1962: 291–317). Сравните с тем, что доля внешней торговли в 1720 г. в ВВП во Франции составляла 5,5 %, в Англии – 19 %, а в Голландии и вовсе 82 % (O'Rourke *et al.* 2010: 106). Принципиальные различия в структуре экономик Китая и европейских обществ тут налицо. Однако объективно эта политика закрытости сильно способствовала Великой дивергенции. В то время как Англия и Запад в целом активно модернизировались, независимые от европейцев страны Азии (за исключением Турции и Египта) в основном шли прежним курсом, в результате чего Китай, Япония и Корея, исчерпав доступные ресурсы, уперлись в демографические пределы емкости территории и возрастающее социальное напряжение. Неудивительно, что столкновение со ставшим могущественным Западом вызвало в них глубокий кризис (приведший, впрочем, в Китае и Японии к качественно разным результатам). Таким образом, политика антиглобализации стала, в конечном счете, одной из главных причин глубокого кризиса в дальневосточных странах.

²¹ Так, необходимость усиления сегунской власти в Японии в XVI–XVII вв. и потребность в твердом социальном порядке вызвала гонения на христиан и привела к такому явлению, как закрытие страны от иностранцев. Ведь восставшие крестьяне начали выступать под христианскими лозунгами, а христиане-европейцы готовы были поддерживать оппозицию (Сырицын 2000: 629; Кузнецов и др. 1988: 108–109). Мало того, чтобы убедиться, что в стране не осталось христиан, правительство распорядилось об обязательной приписке каждой семьи к близлежащему буддийскому храму, куда следовало также сообщать обо всех семейных событиях и перемене места жительства (Иэрхарт 1995: 523). (О закрытии Китая см., например: Непомнин 2005: 133).

В связи с процессом антиглобализации полезно будет упомянуть, что в Европе в 16–18 вв. стали закладываться основы европейского и даже мирового порядка, а также высказать идею о том, почему именно европейские принципы могли стать основанием для мирового порядка.

При этом важно понимать, что вопрос баланса сил в международной системе и его нарушения являются центральными для понимания и внешней политики тех или иных государств, и общей конфигурации европейских и мировых отношений. В частности, осознанная внешняя политика ряда государств (особенно Франции, а позже Англии) позволяла им путем целенаправленных действий формировать разнообразные военно-политические союзы, так или иначе выравнивая этот баланс в свою пользу²². Зная это, лучше понимаешь логику формирования данных порой причудливых союзов в течение XVIII и XIX вв., а также постоянные переходы их участников из одного лагеря в другой. Конечно, этому способствовала особенность европейской геополитики того периода: множество государств, отсутствие явного гегемона и система великих держав. А, например, в Китае геополитический расклад был связан с тем, что это государство (Срединная империя) неизбежно занимало в регионе центральное место по всем параметрам, что препятствовало развитию современной дипломатии и формированию представлений о внешней политике как о сложной системе более или менее равных держав. Основные идеи китайской политической мысли концентрировались на том, как защитить государство, натравить варваров на варваров, обеспечить успешность походов против кочевников и т. п. Неудивительно, что европейскую систему позднее оказалось возможным частично перенести на общемировой уровень, а китайскую – нет.

²² В этом «выравнивании баланса» содержится смысл высказанного лордом Палмерстоном принципа: Англия не имеет вечных союзников и постоянных врагов. Вечны и постоянны только ее интересы (England has no eternal allies and perpetual enemies. Its interests are eternal and perpetual)».